

Денис СОРОКОТЯГИН

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ

Документальная поэма

Глава 1. БЛАГОДАРНЫЙ ПЕПЕЛ

Вот уже скоро шесть лет с того момента, как я переехал Москву. В Москве год — за два, а то и за три. За это время я успел сменить не один театр, из каждого я уходил сам, чем горжусь. Почему? Не знаю, но ведь гордиться в малых дозах — это полезно для организма. Я уходил оттуда, где мне переставало быть интересно. Интересно/неинтересно — два мерила моей жизни тогда и сегодня.

Был период, когда я не работал в театре, не играл новых ролей. Чтобы прокормиться, я занимался репетиторством. Я не искал эту работу сам, что-то приходило ко мне через моих друзей, которые советовали меня как умеющего работать с детьми чувака, что-то падало прямо с неба, и я до сих пор не могу понять, кто же меня порекомендовал этим довольно влиятельным людям.

Я учил их чадо музыке, вокалу, рассказывал, чем отличается чистая кварта от чистой квинты и почему они обе две такие чистые. Я придумывал песни, потому что мне было скучно петь заезженные детские хиты из книжек, написанных в середине девяностых. Помню одну из таких песен, которая родилась на коленке, перед уроком. «Привет, добрый мир! Я — маленький вампир. У вас в глазах испуг. Укушу кого-то вдруг». Они, мои ученики и ученицы, неоспоримо прекрасны, потому что они — дети, их разрушительная, порой экстремистская сила вызывает у нас, взрослых, снисходительную радость, умиление, цветы жизни, растите, ошибайтесь, разбивайте лбы и колени, наполняйте знаниями об этом мире ваши стебельки, а мы будем ждать, когда все, что мы заложили в вас, даст свои щедрые плоды.

Маленькие вампиры моего сердца. Кто-то из них связал жизнь с музыкой, кто-то облегченно вздохнул, когда занятия наконец кончились и больше не продолжались. Обстоятельства сами складывались таким образом, что нам нужно было прекращать: то не было времени, то желания, то не было сил или финансовой возможности и много других «не было».

Вчера сидел на лавке в районе метро «Трубная», ел шоколадно-банановый синабон, параллельно листал книгу о цветоводстве в Питере, заляпал страницу шоколадным пальцем, пытался поправить ситуацию, сделал только хуже. Подумал, пусть будут теперь на странице мои папиллярные шоколадные линии. Если я не вернусь к этой книге, ее открывает моя дочь или сын и скажет, ну, и свинья был мой папка. Пусть пройдут годы, пусть рождаются и растут дети. Мои, чужие, ваши, наши.

Вижу на детской площадке знакомое лицо. Не узнаю фигуру, вытянутую как струна, но лицо до боли знакомое. Моя ученица. Снимает с подружкой тик-ток и рассказывает о поп-ите. Я держусь и не покупаю себе поп-ит, хотя он, наверное, помог бы мне сейчас в моем не стабильном душевном состоянии. Поп-ит — не синабон, он не превратится в подкожный жир. Он радушно-радушный, безопасный, открытый к моим и твоим нервякам. Я слышал, что изначально эта игрушка создавалась для детей с отставанием в развитии. Это многое проясняет.

Я мог бы окликнуть свою бывшую ученицу (а бывают ли бывшие), но я не был уверен, чистое ли у меня лицо после шоколадно-бананового синабона, булка была офигительно вкусная, и здесь уже было не до чистоты, я был во власти липкой сладости. Я убрал книгу, собрал вещи с лавки и поплёлся куда глаза глядят, уходил то ли от своей бывшей ученицы, то ли от тени прошлого, вдруг набежавшей на меня. Песню про вампира я как раз написал для неё, ей было шесть, в те времена тик-ток ещё не был таким насущным и вездесущим, я думал, что мой кровавый хит зайдёт ей на ура. Нет, она серьёзно прослушала его в моем чуть аффектированном (всегда) исполнении, а потом так по-взрослому сказала: «Мама попросила меня потерпеть ещё год, и потом я не буду заниматься музыкой». Больше я к ним не приходил, сослался на большую занятость в театре, которого у меня тогда и в помине не было. Год мучений, занятия два раза в неделю. Разве можно заставлять ребёнка заниматься искусством через силу? Нет и ещё раз

нет. На самом деле, я радуюсь за своих учеников, каждому и каждой я благодарен за опыт. Одна из моих учениц, которую я вёл с трёх лет, теперь живет в Испании, занимается моделингом и даже поёт в свободное от подиума время. Я смотрю ее новые видео в Инстаграме и не узнаю повзрослевший голос, помню, что, когда мы занимались, она не выговаривала добрую половину букв и меня это жутко веселило, сейчас, думаю, как бы она отреагировала, увидев меня. Засмущалась бы, наверное, раскраснелась. Хотя нет, не думаю. Это мы, старая гвардия учителей, сентиментальны и памятьливы. Я бы точно покраснел. И не от стыда, не от того, что она там, а я — здесь, а от того, что своими глазами вижу дикий ход времени. Год — за два, а то и за три. Время стирает многое, слизывает, вот как я сейчас оставшийся крем со своих пальцев, но оставляет что-то незапланированное, как пятно на книжке о цветах в Питере. И делает книжку запятнанной памятью, уникальной и только моей.

Недавно выложил своё фото, где я счастливый, удивительно молодежавый, похожий на того шестилетней давности, когда только-только приехал в Москву. Признаюсь, что даже увеличил фотку, чтобы лучше рассмотреть, каким это таким светящимся веществом наполнены глаза. Фотограф уловил сиюминутное счастье.

Оно возникает и в преподавании, когда ты давно отпустил своего ученика, а он идёт своей дорогой, ты лишь указал ему путь, дал вектор, он мог свернуть, проявить своеволие, а нет, он идёт туда, куда ты ему указал.

Одна из мам оставила под той счастливой фоткой коммент: «Спасибо вам за все! От Глеба привет».

Когда я приехал на первое занятие с Глебом, он сыграл мне на электронном фортепиано только что сочинённую мелодию. Когда наш часовой урок подходил к концу, он злился на время, что оно пролетело слишком быстро. Он ругался на свою голову, которая почему-то вдруг разболелась перед самым уроком и настойчиво мешает ему заниматься. Он любил играть в футбол и, разгоряченный от игры, прибежать домой и сыграть новую мелодию, которая родилась там, на футбольном поле, когда мяч летел в ворота противника. Сейчас Глеб успешно (знак равенства — в удовольствии) учится в музыкальной школе, перейдёт в третий класс.

Период преподавания спас меня от безденежья, он вытаскивал меня за волосы из болотца уныния. Маленькие вампиры высасывали мою кровь, но оставляли после себя что-то более важное.

Сейчас у меня нет учеников, я бегу от преподавательской деятельности, отказываюсь от предложений. Я знаю, что меня снова затянет, как в воронку. Дети всегда существуют «на опережении», они — интуиты и чувствуют каждой клеткой послезавтрашний день, и необходима огромная сила для того, чтобы понять, чем они дышат сейчас, пускай это увлечение кажется проходящим, пустяковым, но нет, оно электризует их интерес, не даёт им покоя. Из этой искры и надо раздувать пламя. Надувать щеки и дуть, дуть, дуть. Ты должен гореть вместе с ними. Только так, а не иначе. Твоё пламя перекинется на ученика, ты останешься гореть, пока не превратишься в горсть благодарного пепла, а он, поддерживая твой-свой огонь, пойдёт по дороге, которую ты ему указал. Или не пойдёт.

Благодарный пепел не должен волноваться, дойдёт ли ученик до цели или же свернёт, он должен безмятежно развеваться над океаном жизни, или съесть бананово-шоколадный синабон, или купить, наконец, этот поп-ит.

В последнее время, когда сижу на лавках в разных районах Москвы, ко мне всегда прилетает голубь, и мне кажется, что это один и тот же голубь. Он смотрит на меня так, как самый лучший ученик на земле.

Он готов ловить каждую мою крошку.

Глава 2. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ

Ты не знаешь, о чем будет твой новый текст, но ты можешь увидеть его отсвет в предыдущем.

Я отправил эссе «Благородный пепел» в редакцию одного из журналов. На следующий день, к моему огромному счастью и удивлению, мне ответили. Эссе заинтересовало, но оказалось крохотным по объёму. Также редактор спросил меня, нет ли в моем запасе истории, связанной с особыми людьми. И тут меня пронзило. Я не знаю, что это. Мистика или тонкая режиссура судьбы, но буквально за неделю до письма от редактора я сделал попытку стать ближе к особым людям. Я написал директору «Театра Простодушных» Дмитрию Чернэ. Об этом театре я узнал из инстаграм-аккаунта фотографа Александра Гребешкова. Монохромные фотографии с показа спектакля по пьесе Алексея Ремизова остановили мое внимание, напугали, встревожили. Я перешёл по ссылке и оказался на страничке «Театра Простодушных».

Увидел, что после безвременного ухода из жизни основателя театра, главного режиссёра Игоря Неупокоева, коллектив, оправившись от потери, постепенно обретает новую жизнь и приглашает к сотрудничеству режиссёров со стороны. Я написал Дмитрию с прямым и простым вопросом: нужен ли театру режиссёр? Простота — хуже вооружения. Ответа на мой вопрос не последовало.

Я отбросил эту идею, тем более в моей голове не было конкретного материала, который я мог бы предложить к постановке, сказать по правде, я вообще мало представлял, кому и куда пишу. Мне просто была нужна режиссерская работа, и я рассылал веером свое портфолио.

Рядом с домом, где я живу, располагается центр для особенных детей. Идя к метро, я всякий раз прохожу мимо зарешеченных окон и вижу висящую на здании табличку: «Особые дети иногда могут кричать и необычно себя вести».

Я никогда не слышал криков и не видел ничего необычного, потому что я проходил мимо. После письма от редактора я повторно написал Дмитрию Чернэ и спросил, есть ли возможность присутствовать на репетиции, объяснил, что пишу материал об особых людях, о том, как они существуют в пространстве театра. Дмитрий ответил мне через две минуты: «Сегодня в 15.00 мы репетируем в СПИД-центре на Сыромятнической. Приезжайте».

Меня встретили Дмитрий и Соня. Соня — волонтер центра, и сегодня у неё был первый рабочий день. Для нее, как и для меня, все было здесь впервые, и мне стало не так волнительно. Соне девятнадцать лет, она год прожила в Венеции, училась там на архитектора, но поняла, что не может без России, и вернулась на родину, где хочет найти свое дело, а главное, быть полезной людям. Соня — своего рода помощник режиссёра, наливает чай актерам, угощает их печеньем, помогает переодеться из уличной одежды в репетиционную. Дмитрий Чернэ предупредил меня, что сегодня будет не весь состав, только трое. Кто-то изолировался на даче и боится вируса, кто-то недавно сделал прививку и отходит от нее, кого-то не смогли привезти родители, а кто-то вообще уехал в отпуск.

В репетиционном зале меня встретила Вика.

«Привет! Меня зовут Денис. Я посижу на репетиции, ты не против?» — осторожно спросил ее. Она подошла ко мне на цыпочках, улыбнулась эльфийской улыбкой, протянула руку. Рука было холодной, но уверенной. «Меня зовут Вика, очень приятно». Снова улыбнулась.

Я не мог определить, сколько Вике лет, да и сама она запуталась в цифрах, когда я спросил ее об этом. Бестактный вопрос она восприняла с детской гордостью и сказала, что ей 23. Потом оказалось, что Вике 32 года, у неё синдром Уильямса, для которого как раз характерны такие эльфийские черты лица, широкий лоб, разлет бровей, неестественная и не сходящая с лица улыбка. У Вики задержка умственного развития, но я не могу сказать, что это так уж бросается в глаза. Пока мы ждали двух опаздывающих актеров, коллег Вики по сцене, она успела рассказать мне всю свою жизнь.

Меня поразили ее словарный запас, она могла витиевато выражаться, но все словесные формулы были клишированные, как будто заготовленные. Раньше она жила в Ясенево, а теперь они с мамой переехали на Кантемировскую, там как раз строят огромную эстакаду. Папа у Вики — детский хирург, мама — врач, но сейчас работает парикмахером на дому. Это она сделала Вике модную причёску во французском стиле, «под мальчика».

«Как я выгляжу? Тебе нравится?» — спросила Вика, а потом за время нашего разговора ещё несколько раз повторила этот вопрос. Ее очень волнует внешний вид, она стесняется себя, переживает, что сегодня в метро поймала косой взгляд.

Я искренне сказал Вике, что мне нравятся ее белая кофточка (связала бабушка крючком), салатовые брюки (подарила мама на день рождения 9-го февраля), белые носочки и голубые сандалии (чуть натирают правую ногу).

Еще Вика пожаловалась мне, что ей не уступают место в метро. Потом она вспомнила о своей ссоре с мамой. Причины ссоры Вика уже не помнила, но ощущение потери контакта и микроразрыва до сих пор не может забыть. Рассказала, что училась до 9 класса в массовой школе, а потом ее отдали в специнтернат, потому как родители не нашли подходящего варианта для продолжения обучения. В интернате Вика били и обижали. Однажды она не выдержала и вылила себе на руку стакан с кипятком. Злость внешняя обратилась злостью, направленной на саму себя. А вообще, Вика очень любит селедку, но ей ее много нельзя, потому что больные почки, но она все равно ее ест, маленький кусочек, и все, хватит. Да, и ещё кока-кола, без неё Вика тоже не видит своей жизни. Ну, и театр, конечно, без него тоже.

В это время в репетиционный зал вошёл Никита — большой, высокий человек, с выбеленными волосами. Такой русский широкоплечий богатырь. У Никиты синдром

Дауна, но в форме, позволяющей ему передвигаться самостоятельно. Он хорошо говорит, правда, чуть спотыкается на шипящих звуках. Никита принёс в пакете новую картину, которую нарисовал акрилом. Он с гордостью подарил ее своему директору, режиссеру и другу Дмитрию. На картине в духе импрессионистов изображено «Ласточкино гнездо» в Крыму. У Никиты явно есть художественный талант. Ему 31 год. Ещё Никита посещает уроки академического вокала. Я подписался на его страничку в Инстаграме, которую Никита сам активно ведёт. Там много фото, сделанных в поездках, совместные фото с друзьями. В его статусе Вконтакте стоит цитата: «Любовь найду тогда, когда она меня найдет». Никита социализирован, открыт к общению и готов к большой любви.

Наконец, появился третий актер — Руслан. Руслану 39 лет, он — один из старожилов «Театра Простодушных», играет в нем с 1999 года. Тогда Руслану было шестнадцать лет. Игорь Неупокоев набрал свой первый актерский поток из воспитанников спецшколы для инвалидов и начал проводить с ребятами речевые тренинги, основанные на собственной, выработанной годами методике. Он был уверен и доказал это в дальнейшем с успехом, что если у невербального человека с синдромом есть внутри чистый, правильный, красивый голос, его можно при помощи долгой, скрупулёзной проработки — вытащить наружу. Если же такого внутреннего голоса нет, это тоже не беда. Руслан говорит неразборчиво, но эмоционально окрашено. Да, он не социализирован. Во всем ему помогает мама Светлана, которая и привела его на репетицию. Она же объездила вместе с сыном многие страны, куда театр был приглашён с гастролями. Светлана помнит все взлёты и падения коллектива, все трудности с финансированием, площадкой. Театру нужен инвестор, раскрутка, большой зрительский охват. И, конечно, своё помещение, где можно репетировать и прокатывать спектакли.

Руслан подошёл ко мне и протянул руку. Я спросил его, как у него настроение, он ответил: «Хорошо». Улыбнулся и показал знак: палец вверх. Я в ответ тоже показал Руслану этот знак. Понял, что мне трудно долго смотреть в глаза людям с синдромом. Я стараюсь как можно скорее отвести взгляд в сторону. Это дело привычки, доверия, принятия. Они мгновенно чувствуют фальшь и сомнение по твоему еле заметному изменению лица, их не проведёшь, да и не нужно этого делать.

Ну, наконец, все в сборе и можно начать репетицию.

Дмитрий сегодня и в роли организатора, и в роли режиссёра-репетитора, который поддерживает тонус спектакля, поставленного Игорем Неупокоевым много лет назад. Он также и актер, говорит роли за отсутствующих, параллельно следит за тем, чтобы ребята не проспали свой выход, подсказывает текст, если они вдруг забыли. Сколько энергии, драйва, мощи в этом двадцатисемилетнем строителе театра. Какой вес он взвалил на свои плечи.

Я, Дмитрий и волонтер Соня, мы все младше Вики, Никиты и Руслана.

Это числа, в которые трудно поверить. И в то же время мы не чувствуем себя в роли взрослых, мы — на равных.

Я был незнаком с текстом ремизовской пьесы-мистерии «Бесовское действо». Знал, что она была написана в начале двадцатого века, точнее, в 1908 году. Премьера состоялась в Театре Комиссаржевской в Петербурге, произвела в свое время фурор, аллегорично и жестко высмеивая человеческие грехи и пороки.

В отсутствие бойцов-актеров трудно уследить за развитием сюжета и можно лишь считать эмоциональный градус, в котором работают ребята. А он запредельный.

Меня поразила актёрская природа Вики, без скидок и поблажек. В самом начале спектакля у неё довольно длинный монолог, она играет собирательный образ бесовской силы. Милая девочка, кокетливо спрашивающая меня перед репетицией, как она выглядит, на сцене превратилась в валькирию, страшную дьяволицу. Изменилась пластика, стала колкой, уверенной и ломкой, поменялся голос, в нем появились стальные ноты и даже хрипотца. Сложнейший монолог, который не сразу присвоила бы себе профессиональная артистка, звучит из уст Вики невероятно легко и свободно.

Затем Вике подал реплику Никита, и я тоже поразился действенной точностью сказанной им фразы. Руслан в постановке отвечает за комедийную составляющую. У него всего три выхода на протяжении часового спектакля, но каждый сопровождается бурной реакцией зрителей. Мы смеемся до слез. Я, мама Руслана и волонтер Соня, которая сегодня тоже говорила текст Ремизова и была у Дмитрия на подхвате, впервые попробовала себя на сценической площадке. И ей очень понравилось быть внутри.

Меня радовало, что, наблюдая за репетицией, я не делал скидок, не закрывал на что-то глаза. Да, ребятам трудно держать в уме мизансцены, они плохо ощущают границы своего тела в пространстве, поэтому в спектакле много статики и простых, незатейливых форм. Да, бывает, что они забывают текст, но на этот случай в театре за кулисами всегда есть дежурная мама, которая подскажет реплику. И спектакль продолжит-

ся в прежнем режиме и градусе.

Сейчас в театре готовятся две премьеры: одна — «Пир во время чумы» по Пушкину, вторая — документальная, собранная из непридуманных историй, рассказанных самими ребятами. Это будет первый опыт, когда они окажутся на сцене без профессиональной поддержки. В других спектаклях всегда есть направляющий, профессиональный актёр, который дирижирует всеми. В «Бесовском действии» такой дирижер — Дмитрий.

После репетиции ко мне снова подседа Вика, призналась, что немного устала. Я похвалил ее, сказал, что она самая настоящая актриса и что ее монолог был просто блестящим. Вика рассмеялась так неожиданно громко. Взрыв смеха, как будто открыли взболтанную бутылку кока-колы. Потом она меня снова спросила, как она выглядит, и уверившись, что все в порядке, попросила добавиться к ней на страничку в Инстаграме, которую ведёт ее мама. Там много фотографий с выступлений. Вика в красивых сценических нарядах, платьях с перьями. «Приходи на «Пир во время чумы». Я там играю Мэри и пять раз переодеваюсь», — призналась мне она. Вика — истинная, подлинная актриса до кончиков пальцев. Ей в первую очередь важен костюм. И я ее понимаю. Когда его надеваешь, ты преображаешься, становишься иным, изменяешь форму и содержание. Отрадно, что содержание у Вики ничем не уступает форме.

Репетиции, как правило, длятся недолго, чтобы ребята не уставали, примерно полтора часа. Это короткая вспышка, пребывание в моменте, существование только «здесь и сейчас». Как только ребята оказываются вне стен театра, они забывают о том, что было на репетиции, не анализируют, не рефлексиируют, не копаются в себе, как профессиональные актёры, с желанием уничтожить себя после бездарно сыгранной роли.

Они живут театром только на сцене, но живут им на пределе своих сил.

Я поблагодарил Дмитрия и ребят за возможность присутствовать на репетиции. Я сам, без всякого напоминания, сказал Вике, что она прекрасна и что я обязательно приду на премьеру «Пира во время чумы».

Выйдя из СПИД-центра, я испытывал странную смесь чувств.

Болела голова, центр лба, там, где мог быть третий глаз.

Это все странно, и чтобы дать моим ощущениям верное определение, нужно время. Но есть понимание, что вдруг приоткрылось новое зрение, спящее до сегодняшнего дня.

В искусстве есть такое понятие — катарсис, наивысшая степень потрясения. Такое бывает после увиденного спектакля, который вдруг тебя переворачивает с ног на голову. Тебе больно и в то же время сладко от этой боли, тебе хочется плакать и ты не можешь объяснить причину своих слез.

Нет, это не жалость к себе или к другим, нет. Это слезы от той любви, которая не требует причин и следствий. Она сама по себе. Есть и все. Подходит к тебе, кладёт свою руку на твою руку и смотрит тебе прямо в глаза. Она может спросить тебя, как она выглядит, может показать тебе поднятый вверх палец и улыбнуться, может прочитать монолог, нарисовать твой портрет, она даже может неожиданно крикнуть и как-то необычно себя поведи. Она может все.

Но сейчас она просто смотрит на тебя. Не отводи глаз.

P.S. Отправив текст про «Театр Простодушных» в журнал, я получил ответ от редактора: «Неплохо, но неформат. Нам все-таки нужны истории о детях». Конечно, сперва расстроился, а потом... А потом понял, что это все действительно неформат, в который я сам с трудом встраиваюсь. Я слишком отформатированный, чтобы говорить об этой теме так уверенно и во весь голос. Я — неофит в этом «неформате». И мне надо приложить немало сил, чувств, времени, чтобы изменить свою заданную (кем?) форму.

Глава 3. ПРАВО НА МОНОЛОГ

Как напутствие себе перед дорогой. Уже понятно, что складывается книга. Это будет документальный текст, повесть-травелог, записки путешественника по миру особых людей. И если раньше тексты спускались ко мне сами, входили в меня, вынося дверь с петель, устраивались, обживались, навечно прописывались в сердце, теперь иначе. Это осознанное письмо, которое не возникает из воздуха и по воле вдохновения. Это путь особого рода, когда ты сам выстраиваешь свою дорогу и сознательно выбираешь самые труднопроходимые маршруты.

Не должно создаваться впечатление, что это театроведческий текст. Да, в нем я буду говорить о спектакле «Особые люди», поставленном Сергеем Анатольевичем Голомазовым в Театре на Малой Бронной в 2014-м году. Но я не буду анализировать эту работу с точки зрения ремесла, у меня другая профессия и другая цель. Сейчас я хочу находиться в позиции зрителя. Это одна из моих любимых моделей восприятия не только

театрального процесса, но и самой жизни. Я не имею режиссерского образования, что не мешает мне ставить спектакли. Все «мои режиссерские университеты» складывались и будут складываться благодаря большой «насмотренности». Был период, когда я смотрел по двадцать спектаклей в месяц, а то и больше. Покупал дешевые, льготные билеты, пять лет назад они были вполне сносными по цене, забирался на галерку, оттуда с верхотуры смотрел первый акт, а в антракте спускался в партер и после третьего звонка садился на освободившееся место.

Спектакль «Особые люди» шел на Малой сцене Театра на Бронной. Билеты на него раскупались сразу же, как только появлялись в продаже. Я долгое время не мог попасть на этот спектакль. То сам оттягивал поход, пугаясь сложной темы, боясь выйти из зоны комфорта, хотя в это же время работал с подростками над современными текстами со сложной проблематикой. Когда просто не успевал купить, когда не было денег на билет. В малом зале при стопроцентной рассадке помещалось 80 зрителей. Тогда мы даже и в мыслях не могли представить, что будем «процентовать» заполняемость зрительного зала.

Это был период Театра на Малой Бронной в моей жизни. Он длился месяца три. До него был период театра «Эрмитаж», после — «Современника». Я посещал каждый спектакль Театра на Бронной, не пропускал ни одной премьеры. Это был тот театр и он остается тем местом (в моей душе, сердце, где угодно), в котором не единожды случался катарсис, о котором я писал выше. В спектаклях «Кроличья нора», «Салемские ведьмы», «Варшавская мелодия», «Аркадия» в постановке Сергея Голомазова я впервые увидел на сцене Веру Бабичеву, заслуженную артистку России и Армении. Я знал, что она преподает в ГИТИСе. Об этом говорил мне мой друг, ее студент. Это он сделал мне пригласительные билеты на «Аркадию». И все поехало, закрутилось.

Как напутствие себе перед дорогой. Важно помнить, что этот текст не обо мне, не о Театре на Малой Бронной и вообще не о театре в широком понимании этого слова. Этот текст не о ностальгии по ушедшему.

За это время здание Театра на Бронной закрылось на реконструкцию, сам Театр переехал во Дворец на Яузе, стал не таким центровым по расположению и доступным по ценам. За эти годы многое поменялось, что-то отсоединилось, отпочковалось, показало истинное лицо, истерлось, как старая нитка, а что-то вдруг возникло, из пустоты, мечты, намерения и обоюдного желания.

Когда я пишу этот текст, мой телефон вибрирует и принимает сообщения от Веры Ивановны Бабичевой. Важно помнить, что этот текст не о нашей с ней творческой работе, встрече режиссера и актрисы, а самое главное — человеческой встрече. Нет. Я долго привыкал называть Веру Ивановну — Верой. Это была ее первая просьба, озвученная при личном знакомстве. Она просит об этом всех. Точнее, всех, кто имеет счастье работать с ней, знать ее близко, верить ей и созданным ею образам.

Мы встретились с Верой благодаря драматургу и поэту Владу Васюхину, когда готовили читку его пьесы «Беглец», где Вера блистательно сыграла педагога-репетитора по балету, в прошлом балерину Большого театра.

Это было волнительно. Меня успокаивало то, что я видел все актерские работы Веры, сыгранные на Бронной, мог процитировать монологи. Я строил догадки, какая она, на какую из своих героинь больше всего похожа? Оказалось, что Вера совсем другая, но такая же настоящая, как и ее роли.

Актерам можно позавидовать. Они владеют удивительной способностью держать в себе, как в платяном шкафу, многообразии непохожих друг на друга образов. И чем эти образы дальше от природной органики актера — тем их ценность выше. Важно заметить, что я говорю сейчас о хорошем, одаренном актере. Хотя я не должен здесь об этом говорить.

Я не помню сюжетных линий спектакля «Особые люди», помню только фабулу и то в общих чертах. В моей памяти сохранились не слова, а ощущение от финального монолога сотрудника Фонда. Ее играла Вера. Надо признать, что я плохо запоминаю сюжет в прочитанных книгах, в просмотренных спектаклях, конечно, если речь не идет о хрестоматийных сюжетах. Я чаще всего ловлю воздух, ту самую атмосферу, которую удалось или не удалось создать на сцене. Я считываю психологический фон и эмоциональные жесты, фиксирую в памяти мизансцены, а потом ненароком, невольно использую их в своих режиссерских работах. Мой мастер в институте Кирилл Савельевич Стрежнев говорил нам, студентам: «Пишите все в своей компьютер», — и стучал по своему седому виску. Мой компьютер работает каким-то особым образом, зависая на чем-то незначительном, на мимолетном переходе, который другой бы и не заметил. Карта памяти стремительно заполняется, переполняется. Корзина до отказа набита «священным мусором» и сама уже, без моего вмешательства, удаляет важные файлы, а потом, тоже против моей воли, их возвращает.

Я попросил Веру наговорить мне в ватсапе монолог. Не тот, который звучит в конце спектакля. А свой, сегодняшний. Мы могли бы созвониться и в этом звонке быть более конструктивными, опираясь на мои вопросы и Верины ответы. Но я попросил именно голосовое.

В последнее время мне важно слышать живой голос. В наши непростые, наэлектризованные времена (а когда они были другими) тексты, которые поступают к нам в мессенджеры, трактуются нами порой предвзято, мы сами режиссируем чужие реплики, часто задавая им ошибочную интонацию. Пусть будет голосовое, пусть во время записи зазвонит телефон. Пусть палец съезжает со значка микрофона (у меня так всегда) и запись отправляется радостно в переполненную корзину. Пусть будут грубые склейки. Это документалистика, это будет она. Мне сложнее, у меня текст. Вы его читаете и тут же режиссируете его. А я зритель вашей режиссуры. Благодарный зритель.

Как напутствие себе перед дорогой. Только что мне на почту прилетело письмо от Кати Дубакиной. Катя в моей жизни с детства, как и в жизни многих. Об этом, наверное, не следует писать. Я ухожу от темы, уклоняюсь с заданного курса, я только пытаюсь взять верную ноту и тут же срываю ее. Так бывает у мальчиков в предмутационный период, голос отказывается слушаться. Это все благословенный зажим, это его дела.

Я впервые увидел Катю в сериале «Моя прекрасная няня». Не будем говорить, сколько мне было тогда лет. Это неважно. Важно то, что после выхода первых серий мы с ребятами во дворе играли в «Няню». Мне досталась роль бабушки, хотя я ужасно хотел быть дворецким Константином, но Кирилл из четвертого подъезда был старше и крупнее меня. Я бы не выдержал этой схватки за роль. Поэтому был бабушкой. Катя Дубакина играла в сериале старшую из дочек. В нашей дворовой версии ее играла тоже Катя (Катя, если читаешь, привет тебе).

Сейчас Катя Дубакина (Ekaterina Dubakina) — набирающий силу театральный режиссер, художественный руководитель Театра ТДМ, что расшифровывается — Театр Дело Молодых. Это не рекламный текст, не дружеский поклон, это особый случай, как и все, что попадает сюда. Независимый театр в столице и за ее пределами — сложная штука. Существование таких театров протекает вне логических законов. Главный цемент, на котором все держится, — беззаветная любовь к своему делу участников процесса и желание поскорее вырваться из академичных рамок на свободу, которую можно обрести только среди единомышленников. Это очень похоже на мир особых людей. Здесь возможности тоже весьма ограничены. Речь не о содержании. Вы понимаете, о чем я говорю? Чтобы лучше понять, нужно покупать билеты и приходиться на спектакли независимых театров. О них нужно писать и говорить.

Катя прислала мне ссылку на спектакль. Он выложен в открытом доступе на youtube. Наберите в поисковике: Особые люди спектакль ТОМ.

Видео никогда не заменит живого присутствия. Пока реконструируется малая сцена, пока Театр переедет в отремонтированное здание и привыкнет к новой форме, пока случатся другие пока-пока-пока, пройдет время. И сколько его пройдет, и как оно пройдет для нас, и будет ли вообще оно — никто не знает. Поэтому лучше увидеть сейчас. Кому-то впервые, а кому-то и во второй раз.

Пересмотреть — хорошее слово и для театра, и для жизни.

Это все звучит как напутствие перед дорогой. Помните (кому я это говорю, 28-летний), раньше, когда деревья были большими, телеспектакли предварял монолог театроведа (я помню Н. Крымову), который настраивал зрителей на будущий просмотр, предлагал обратить внимание на какие-то важные акценты, которые могли пройти мимо и не считаться.

Сейчас для вас прозвучит (в вашей и только вашей интонации) монолог Веры Ивановны Бабичевой. Уже прошло семь лет со дня премьеры, много воды утекло. Монолог в театре не дает вариантов актеру. Его нужно только проживать, иначе он сам тебя прожует, а потом выплюнет (со сцены). Это лакмусовая бумажка для артиста, хождение по канату.

Монолог в жизни, обращенный не к самому себе, не прочитанный в комнате без посторонних глаз, а обращенный к другому человеку — драгоценная редкость, немислимая роскошь. Готовы ли мы слушать сейчас этот монолог? Имеет ли человек, произносящий его, забирающий у нас время, на это право?

Важно помнить, что это все лишь напутствие перед дорогой. Все ответы на вопросы будут чуть позже, они в пути.

Вера Бабичева (Вера, для своих):

«...Особые люди... Особые люди в моей жизни, в жизни моих учеников, которые вместе со мной играют в этом спектакле, особые люди в этом мире, который чем дальше, тем сложнее справляется с тем количеством детей, которые рождаются с этим... я

не могу сказать — диагнозом. С этим состоянием души, с состоянием, в котором их привели в этот мир. Ведь это... Не хочу говорить слово «болезнь». Это просто другое ощущение мира и себя в этом мире. Мы совсем не знаем, что они видят и как они к этому относятся. У них свой мир, свое видение — это понятно...

Наш спектакль... Я все-таки начну с того, как все возникло. Катя Дубакина и Артемий Николаев поехали в лагерь для детей с особенностями развития. Почему это вдруг произошло? Случайное знакомство, случайные люди, случайные мысли о том, какой спектакль ставить дальше. Когда возникла мысль о новом названии для ТОМА (Творческое объединение мастерских С. Голомазова), была некоторая растерянность. Должно было что-то стукнуть сверху. Вот оно и стукнуло.

Катя и Артемий вернулись из лагеря, и одно из самых сильных их потрясений — не дети, а родители, которые первыми узнают о диагнозе. Дети ведь этого пока не знают, это все возникает не сразу, через года два, у всех по-разному.

Родители проходят все стадии. Сначала им говорят: у вашего ребенка аутизм. А потом следует отрицание, гнев, депрессия, принятие. Многие отказываются от таких детей. В нашем спектакле тоже есть эта тема.

Родители начинают более подробно узнавать обо всем этом. Часто доктора сами не всегда могут понять с точностью, что происходит с ребенком. Аутизм — это состояние духа, некое пребывание в ином мире. Это нужно представить. Ребенок видит каждую вашу ресничку, каждый волосок на бровях, а мир вокруг шумит, кричит. Почему они закрывают ушки и глазки? Они не могут связать воедино весь этот хаос вокруг. Ведь мы тоже не можем это сделать. А для них это нарушение чего-то. Видишь, я все время говорю «чего-то». Потому что ни в одном форуме в сети, ни в одной книжке, ни в одной беседе с врачами я не услышала конкретно, что же это такое. Кому-то советуют изменить питание, и вдруг происходят чудеса. Я не буду в это внедряться, мы сейчас говорим с тобой не о способах лечения, а о людях, о взрослых людях, которые 9 месяцев ждали ребенка. Некоторые боролись за его рождение. И вдруг. Это все непросто...

Потом возник драматург Игнашов. Он написал пьесу, тоже горел темой. Шли репетиции. Я не была занята в этом спектакле. Показали черновой вариант. Он был очень sentimentalным, бытовым, в нем все замечательно играли. Но стало понятно, что говорить об этой теме надо как-то иначе, не через быт. И тут режиссер С. Голомазов остановил репетиционный процесс. Я тоже видела тот первый показ. Я понимала, что ребята куда-то заглянули, в пропасть. Эта пропасть наверняка может быть и прекрасна. Вдруг на самом ее дне бегут чистые ключи, может быть, туда даже время от времени заглядывает солнце, но мы в ней ничего не увидели. Тогда все взяли паузу. Сергей Анатольевич поехал в Центр Лечебной Педагогике, провел там два дня, а потом молчал еще неделю после этого.

Он придумал, что в спектакле должны быть три детских персонажа. Их играли взрослые актеры, наши студенты — Сергей Кизас, Полина Некрасова и Егор Барановский. Это были прекрасные актерские работы.

Если твоя душа функционирует правильно, ты в состоянии помочь этому ребенку и этому миру. Есть у братьев Стругацких замечательная повесть «Дикие лебеди». Когда я вошла в спектакль, я часто вспоминала о ней, перечитывала. Она о детях, которые не захотели жить в нашем с вами мире и ушли в свой собственный мир. Наш мир, который никак не может остановиться, опомниться... а эти дети, они приходят, чтобы нас остановить... чтобы мы попробовали понять, что они нам хотят сказать.

Записалось ли все, что я тебе наговорила? Напиши мне.

...Персонаж, которого я играю, сотрудник фонда, она существует в реальной жизни. Это нам рассказал Игнашов. По слухам она была на спектакле, приезжала в Москву. Она не подходила к нам, нет. Я только знаю, что ей было горько. И она даже спросила: я правда такая? Она занималась передачей детей в приемные семьи за границу, и в ее же семье родился внук с особенностями развития. У него был синдром Дауна. Мы ведь в спектакле не только говорим об аутистах. Катя Дубакина играет маму ребенка с ДЦП.

Мы пытаемся исследовать, понять, очутиться в ситуации, когда...

...что я буду делать, если мне это вдруг скажут... Мы с самого начала играли в своих костюмах. В этом спектакле нет оформления. Только синие кубы и маленькие кубики. То ли это маленькие дети, там так много кубиков... у них: раз, два, три, четыре, пять, шесть... у них шесть стенок, они в них как будто замурованы. Ты помнишь их? Синий — цвет аутизма. И каждое 2-е апреля года — Международный день информации о детях с особенностями развития. Россия подключилась к этому, как обычно, позже.

...Да, это 24 на 7. Ты выгораешь, теряешь веру, пишешь в интернете: помогите, кто это проходил? Ищешь поддержки.

Я состою во многих закрытых группах, меня туда пустили. Я читаю комментарии

людей, которые справились, которые не справились. Наш спектакль — единственный, который говорит о родителях, конкретно о них. Что ты способен сделать для этого мира? Такие дети приходят к нам не случайно. У Господа не бывает программных ошибок — говорю я в своем монологе. Эти дети приходят научить нас безусловной любви. Без амбиций, без условий. Они любят, просто глядя нам в глаза. И это чудо, я убеждена, что это чудо, которое пришло на землю. И та геометрическая прогрессия, которая наблюдается в рождении этих детей, на самом деле устрашающая. Кто-то говорит, что причина в вакцинации, экологии, генетике, кто-то говорит еще что-то...

Я сейчас отвечу на звонок. И продолжу.

...Аутизм — это способ существования, другой взгляд на жизнь. И мы его не знаем. Это люди из другого мира. Кто-то говорит, нет-нет, они больные. У них лишняя хромосома, и может быть, эта лишняя хромосома — их преимущество в этом мире. Кто знает? Они умеют любить, они ждут любви. Аутизм не лечится... Может быть, это никакое не нарушение, может быть, это мы все — нарушение.

Когда мы делали этот спектакль, мы плакали, ссорились, дико боялись, что нас упрекнут в спекулятивности, особенно нервничали, когда к нам пришли люди из Центра Лечебной Педагогике. Они сказали нам после просмотра, что мы честны. У нас не было спонсора, мы зарабатывали на спектакль сами, переводили какие-то деньги в Центр Лечебной Педагогике.

Потом на нас посыпались предложения о гастролях. Сначала мы поехали в Екатеринбург. Там есть объединение, которое создала Татьяна Флеганова — мама особого мальчика. Ее ребенок сейчас уже юноша. Ее фонд называется так же, как и спектакль. Она и взяла на себя организацию первых гастролей. Мы сыграли при полном зале на 700 мест. Оказалось, что спектакль звучит и на большой сцене, даже сильнее, чем на камерной. У нас было 18 гастролей. Челябинск, Озерск, Тула, Иваново, Воронеж, Германия, Латвия, Абхазия... В фейсбуке есть группа «Особые люди. Благотворительный спектакль». Мы даже летали в Хабаровск. Я вспомнила! В твоём городе Екатеринбурге мы были аж два раза.

Этот спектакль сделал нас лучше и актерски, и человечески. Сергей Голомазов просил, чтобы мы ничего не играли. Это были мы, которые примерили на себя чужие судьбы. А у многих актеров даже не было детей.

Имею ли я право говорить этот монолог... В моей жизни было страшное несчастье. Мой маленький ребенок ушёл из жизни. Ушел, оставив меня одинокой, виноватой. Это была врачебная ошибка... и, наверное, я могла бы... не знаю... И каждый раз я с ним разговариваю, прошу его быть со мной в этот момент. В жизни каждой актрисы есть свое... в моей жизни — это. Этот монолог для меня — возможность поговорить с моим ребенком и с теми детьми, которые в зале, с их родителями.

Ничего не уходит в космос, никуда не девается.

Ты просил меня вспомнить монолог из спектакля. Я пробовала, но какие-то фразы вылетают. Мы не играем два года. Посмотри в записи. Катя должна тебе прислать, проверь почту.

Наши синие кубики ждут своего нового часа. У нас даже было прозвище — «кубики». Нас спрашивали: кубики, куда вы поехали на этот раз? Вот, например, в Хабаровске кубики нам делали в цехах городского театра, также и в Абхазии, в Челябинске и даже в Екатеринбурге... Они, кстати, есть даже здесь, в Латвии... Нам только подпоясаться — и поехать. Всё, наверное».

Это звучит как напутствие перед дорогой.

Но сейчас лучше сделать остановку, посмотреть спектакль.

Пересмотреть.

https://www.youtube.com/watch?v=uLgTR4KE_t4

Межглавный сон 1-й. BABY BOX

Книжка об особых людях собирается, форма ее с каждой новой главой меняется и меняет. Изменение формы — текучесть — вот то, что сейчас важно. Сегодня стало понятно, что меж главами будут сны. На кровати лежат ручка и лист бумаги, на котором уже записан первый сон.

*Когда нарратив рассыпается,
когда прозу за горло берет
зарифмованная строка,
поэтическая рука...*

Во сне я — женщина, идущая по улице Ленина.
Идущая по улице Ленина не одна.
Со мною мой baby.
Я иду, а baby не может.
Не пока.
Никогда.
Шага не сможет.
Без меня.

Baby, ты мой мальчик и девочка.
Baby, ты мой зайчик и белочка.
Baby, don't cry.
Baby, вот край.

Ищущие baby box на улице Ленина
да обрящут.

Вот он, шкафчик в стену храма,
названного в честь
святого благоверного князя
Даниила Московского,
вставленный.
В просторечии — бэби-бокс.

Baby, don't cry.
Baby, там — рай.

Скачи белочкой да по веточкам.
Прыгай зайчиком-побегайчиком.
Я тебя в шкафчик положу.
А сам, ой, сама — ухожу.

На дне ящика письмецо
с адресом и телефоном.
Если вдруг передумаю,
если вдруг совесть
замучает.

Примет храм
бывших мам.
Baby, don't cry.
Baby, гудбай.

Во сне я — женщина,
идущая по улице Ленина.
Идущая по улице Ленина
в обратном направлении.
Одна, свободная, бездетная.
Мечтаю о зайчике-мальчике.
Мечтаю о белочке-девочке.
Мечтаю о главном.
Чтоб был мой детёнок
здоров и бежал от меня,
а потом же ко мне
с визгом-писком
бежал, возвращался.

Мне не надо особенного.
Что ж я плачу, как baby,
собственно.

Baby, я cry, baby.
Baby, я — тварь, baby.

*Во сне я — женщина,
бегущая по улице Ленина.
Бегущая по улице Ленина
к храму благоверного князя
в ноги пасть,
прошенья у бабу и Бога просить.
Но
нет больше шкафика.
Нет бэби-бокса.
Стенка цыплячьим покрашена.
Сверху прибита доска.
Ничего особенного,
просто ещё один памятник
архитектуры 19 века
на улице Ленина.
Просто ещё один сон,
приснившийся утром,
когда нужно вставать,
а не спать.
Меж главными снами сон,
межглавный, довесочный,
избыточный, незабываемый.*

Когда нарратив рад бы сам сдать меня в baby box, но видит мои слёзы полуобморочные, чувствует, что я потерялся в теме, как в открытом море.

Рыбы, когда теряются, никогда не забывают плыть. Будь рыбой, говорит мне нарратив, плыви, смотри по сторонам стеклянными глазами, смотри, чтобы не сожрала тебя тема.

Она тебя может, она тебя сглохнет.

Тебе приснится не один такой сон. В этих особенных снах и есть твоё спасение. Они направят тебя.

Если же прозу снова возьмёт за горло поэтическая строка, знай, это было, будет и есть — сон. Записывай их, и всё тут. Положи бумагу и ручку на кровать. Никто не знает, когда они снова придут.

Ты же помнишь, baby box на улице Ленина, в стене храма. Храм этот стоит рядом с колледжем, где ты учился. Там на втором этаже ещё была Школа приёмных родителей. Не тех, которые брали ребёнка из бокса, после того как от него откажутся, а других, кто решался взять белочку или зайчика из детского дома. И вообще, завязывай называть детей белочками, зайчиками, а сам помни, что ты — рыба. Пльви и молчи, смотри по сторонам, фиксируй.

Одна неизвестная женщина решила положить ребёнка в baby box при храме Даниила Московского. Она знала, что её имя останется анонимным, таковы правила бэби-бокса. Она прочитала их на сайте компании, установившей baby box. Прочитала и приняла их.

Ты помнишь тот день, когда одна неизвестная женщина стала вдруг одной из самых известных женщин в городе, о которой пишут в газетах, рассказывают в новостях, помещают имя её в заголовках пабликов? Нет? А вот она помнит. Ребёнок, которого вернули матери, ничего не помнил ни тогда, ни в боксе, ни сейчас. И город забыл, и храм принял и простил сразу же. Слава Богу.

Рыбы не забывают плыть. Проплывают улицу Ленина, в том и другом направлении, и плывут, плывут, плывут себе дальше, не задавая лишних вопросов.

— Кстати, компания, поставившая тот бокс (теперь его, действительно, нет, просто остался странный шкаф в стене храма и выцветшее объявление: «Бэби-бокс на ремонте») называлась «Колыбель надежды», — говорит нарратив на прощание и уходит от меня.

До следующего сна.

Глава 4. 95 ШАГОВ

Ровно 95 шагов от моего дома до Школы для особых детей. Надпись «Особые дети могут кричать и как-то необычно себя вести» расположена на фасаде этого учебного заведения. Всего таких табличек на доме, где располагается школа, — четыре, на каждой стороне здания.

Мы договорились о встрече с директором школы в 11 утра. Мы выбрали не совсем

удачное время для нашей беседы. В школу пришла проверка перед предстоящим учебным годом. Но все-таки нам удалось выкроить сорок минут. Мы не были знакомы. Рассказав немного о себе, о возникшем замысле книги об особых людях, я попросил директора рассказать, как все начиналось. Первый, самый банальный вопрос, лежащий на поверхности. Но именно он формирует контур портрета, выстраивает верные пропорции. Я нажимаю кнопку REC на телефонном диктофоне. Директор переводит телефон в авиарежим и начинает...

Нет, все-таки предварительно я должен внести некоторую ясность. Человек, давший мне это интервью, попросил не называть его имени. Поначалу это огорчило меня, ведь страна должна знать героев в лицо. А потом я понял, что добрые дела (точнее, верное служение своему делу) не всегда нуждаются в огласке. Для меня — это событие, некий подвиг. Для них — жизнь, которая и так усеяна минами, и совсем не хочется добавлять себе ещё неприятностей. Это выбор человека, его право — не называться. Мое право — опубликовать все, что я услышал под другими именами. Надеюсь, что отсутствие конкретного лица в монологе не помешает создать портрет живого человека, посвятившего всю жизнь работе с особыми детьми. Итак, монолог.

«Когда я начала заниматься с детьми с нарушениями слуха, мне шел двадцать первый год. Я попала в детский сад для слабослышащих детей. Меня пригласили туда работать музыкальным руководителем. В то время я еще училась в музыкальном училище. Я сказала тогда своей приятельнице: «Что я там буду делать? Как эти дети будут воспринимать музыку?»

Мне очень нужна была работа.

Я очень хорошо помню свой первый рабочий день. Помню даже, как звали сурдопедагога. Она привела детей. Пятерых. Тогда (еще в Советском Союзе) группы были очень маленькими. Я сажусь за инструмент и спрашиваю С.: «И что дальше?» А она мне говорит: «Ты марш играть умеешь?»

Я заиграла марш. Дети начали ходить по кругу. И была среди ребят одна такая девочка Катя. Я ее очень хорошо помню. Если бы я умела рисовать, то нарисовала бы ее портрет. Она стоит у меня до сих пор перед глазами. Эта девочка не могла ходить по кругу. Это я позже поняла, что у нее было ДЦП, нарушение слуха, нарушение зрения и ринолалия (гнузавость). В тот момент я не понимала.

Катя ходила туда-сюда, два шага и обратно. Мое первое впечатление... Знаете, даже некая брезгливость была при виде этих детей. Также мне стало их безумно жалко. Их заставляли что-то делать, у них ничего не получалось. А у меня у самой тогда была совсем маленькая дочка.

Прошло полгода. Эта Катя снилась мне каждую ночь. В то время единственной школой для таких детей была Школа Микаэляна. Чтобы туда устроить ребенка, родители шли на многое, мамы устраивались в эту школу нянечками, делали фиктивный брак. Мама Кати работала в школе нянечкой.

Я почувствовала, что деградирую, работая музруководителем. Играю марши, польки, плясовые, песенки на трех нотках. Решила, что уйду. В конце учебного года ко мне подходит заведующая и говорит, что отдает мне все группы в саду, на что я отвечаю, что буду уходить, что не могу. А она мне: «Понимаешь, в дефектологии — кто-то приходит и уходит, а кто-то остается на всю жизнь. Ты останешься».

И я задержалась в саду, полюбила детей. Когда у меня что-то получалось, я испытывала такой кайф. Настолько просто работать с обычным ребенком и настолько здесь все по-другому. Идешь вместе с учеником маленькими шажками.

Я начала частную практику. Родители просили заниматься с детьми на дому. Было много учеников. Учила играть на фортепиано, участвовали с ребятами в конкурсах, побеждали.

У меня всегда была мечта создать такое место, где можно заниматься искусством с особыми детьми. Мы с моими подругами открыли ИП, один наш знакомый предоставил помещение. К нам пошли не только слабослышащие дети, но и аутисты. Тогда мы стали все это изучать. Это было двадцать пять лет назад, было мало материала. Мы напросились вольнослушателями на уроки Никольской в Институте коррекционной педагогики, у нее там была своя лаборатория. Я поняла, что только музыкального образования мне недостаточно, и поступила в Шолоховский университет на отделение олигофренопедагогики и логопедии.

Первый опыт создания центра в 97-98-м годах оказался не совсем удачный. А в 2000-м году у меня умерла мама, мне было очень тяжело, все тяготило, и я уехала из Москвы в Харьков. Там мы тоже открыли центр. Но, прожив много лет в Москве, я не смогла долго быть в Харькове. Вернулась в Москву. Познакомилась с будущим мужем. Он мне очень во всем помогал. И мы совместными усилиями открыли в 2001-м году Школу для

особых детей.

Сначала у нас был такой маленький классный подвальчик. Дети приходили к нам в игровую комнату, среди них я выбирала своих, с особенностями развития. Поначалу проводились только индивидуальные занятия.

Родители попросили сделать группы на три часа, потом на весь день. Затем мы организовали театр. В районной школе арендовали зал, сами шили костюмы, делали декорации, показывали отчетные спектакли. Я считаю, что театр — это настолько необходимая вещь, он может показать, как ребенок развивается комплексно.

А от государства никогда не было помощи, мы и тогда, и сейчас живем за счет родительских взносов.

Я вам рассказываю все так быстро, но на все это уходили годы, годы.

Когда мы перебрались из подвальчика в цоколь, к нам пришла прокуратура. Оштрафовали, потому как нельзя работать с детьми в цоколе. И вот семь лет назад мы переехали в этот район. Сначала был садик в другом помещении, здесь недалеко, но для школы требовалось помещение побольше.

Родители очень хотят, чтобы у нас, помимо начальной школы и садика, были и старшие классы. Но это все очень сложно. Для этого нужна отдельная лицензия на обучение детей с интеллектуальными нарушениями в легкой степени и нужны мастерские, потому как воспитанники должны научиться делать что-то своими руками.

У нашей школы есть лагерь. наших детей никуда не берут, поэтому мы открыли свой. Пробовали принимать детей на отдых со стороны, но это иной раз заканчивалось не очень хорошо. Часто родители о чем-то не договаривают. С нашими детьми проще, мы знаем, чего от них можно ожидать, понимаем, кому какой нужен подход. Лагерь располагается в Пушкинских горах. Далековато, да. В пандемию мы нашли базу поближе. В Калужской области. И нам так там понравилось, что теперь вывозим детей в лагерь два раза в год. Осенью и летом.

У нас очень разные дети. В основном — с аутизмом и интеллектуальными нарушениями разной степени. У нас нет детей на колясках, потому что помещение не позволяет. Но если к нам поступит малоподвижный ребенок, мы будем и с ним заниматься. Разница небольшая. Бывает, ребенок без двигательных нарушений, но дерется, щипается, ему тоже нужен персональный контроль.

Обучение в центре недешевое. Сейчас много частных школ, и наша школа не дорожке. Самая затратная часть для нас — аренда. Нужно платить педагогам. В классе в среднем восемь детей. На каждый класс по два педагога, таким образом мы повышаем эффективность обучения. У нас молодой состав преподавателей. Я раньше преподавала в университете логопедию, специальную педагогику, психологию, поэтому имею возможность подтягивать новые кадры оттуда. Мне было тяжело совмещать преподавание и работу в центре. Проработала в университете где-то лет пять. Сейчас оставила только практику.

Я говорю своим девочкам-педагогам: «Если у вас к этим детям только жалость, лучше не работайте здесь». От особых детей нужно требовать выполнения заданий так же, как от обычных детей.

Сейчас есть тенденция считать, что общество должно подстроиться под этих детей. Я этого не понимаю. Наоборот, человек должен подстроиться под общество, в котором он живёт. По первости мы сталкивались с проблемами, когда выводили детей гулять. Приходилось уходить с детской площадки. Жильцы поначалу даже вызывали полицию, жаловались, что дети кричат и что мы будто бы над ними издеваемся. Поэтому мы и повесили эти предупреждающие таблички на здание. Сейчас к нам привыкли.

Та история, что недавно прогремела на весь интернет, с мамой, устроившей скандал на детской площадке в Питере, для меня совершенно рядовая. Для нас это обыденно и даже нормально. Меня просили прокомментировать это на радио.

На самом деле, очень хорошо, что люди начали делать репосты, говорить об этом так массово. Но читая комментарии, ты видишь, что достаточное количество людей считает, что эти дети должны гулять отдельно.

Когда мы первый раз приехали в Пушкинские горы, мы выглядели «как зоопарк» в глазах тамошних людей. Там ведь усадьбы. Мы состоим в «Доброхотском движении» и помогаем заповеднику. Работаем граблями, собираем сено. Работники усадьбы смотрели на нас с выпученными глазами. Один мужчина подошел ко мне и спросил: «А зачем с такими детьми заниматься?» Я ему говорю: «А что с ними делать?» Он мне спокойно отвечает: «Их надо убивать». Я спокойно реагирую на эти слова и спрашиваю его: «А если вдруг вам на голову упадёт кирпич и вас разобьет инсульт, вас тоже нужно убить?» — «Со мной такого не будет», — произносит он и уходит.

Неделю назад ко мне приехал знакомый и говорит: «Я не понимаю, как можно оставить ребёнка с синдромом Дауна». — «А куда его? Ведь он пришел в этот мир для чего-то».

то», — задаю я ему вопрос, остающийся без ответа.

Родителям особых людей всю жизнь предстоит огромная внутренняя работа над собой. Кто-то сразу принимает и понимает своих детей — это хорошо. А вот если родители не принимают... живут с ними, все для них делают... но не принимают...

Я говорю студентам: «Работы непочатый край. Открывайте новое, стройте деревни, специальные интернаты, организуйте благотворительные фонды, ищите всеми силами пути, как поддержать жизнь особых детей в будущем, когда они станут взрослыми». Интернат — это тяжелая история. Но здесь все вопросы к нашему правительству.

Я мечтаю снять большое, шикарное помещение, где могли бы учиться особые дети от детсадовского возраста до старших классов. Обязательно при доме приусадебный участок с фермой, где дети могли бы ухаживать за животными. Однажды за границей я увидела сенсорный сад, его бы тоже очень хотела. Я бы купила автобус, чтобы вывозить детей в лагерь.

Недавно мой ученик, который за годы выравнялся, занялся проектом в Башкортостане. Он хочет сделать зимний курорт для особых детей и их родителей, чтобы было всем удобно и комфортно, а главное — доступно. Родители тоже нуждаются в отдыхе, они с детьми — 24 на 7. Но ведь мама порой хочет остаться одна, сходить сделать прическу, например.

Такой сад, как у нас, должен быть в каждом районе Москвы. Нужна среда для детей, с психологами, педагогами. Нужны специалисты и для родителей. Я уже по телефону могу определить, в каком состоянии мне звонят мамы...

У меня в этом году был юбилей. Я подготовила для друзей концерт. Так что я не бросаю музыку, она всегда со мной. Вы спросили, какая песня характеризует мой сегодняшний день. Вопрос интересный и сложный. Сразу и не скажешь. Я люблю спокойную музыку, романсы... Три года назад умер мой муж. Год я находилась в таком состоянии... Знаете, садилась в машину, слышала какую-то музыку и тут же начинала плакать... У меня есть подборка любимого. Сегодня ехала и слушала Митяева, Гребенщикова.

Когда начнем учебный год, приходите и посидите на занятиях, вы многое поймете. Здесь многое понимается именно в процессе. У нас есть очень контактные дети, которые будут рады с вами поговорить...

Знаете, все думаю о песне. Наверное, это песня Пугачевой «Как-нибудь, где-нибудь, с кем-нибудь».

Какая-то накопилась усталость... Мы построили с мужем прекрасный дом, завели курочек. Я не могу сказать, что мне так трудно одной, но... это тяжело, понимаете, хочется с кем-то поделиться. Друзья, подруги — это все прекрасно, но...

Радует внучка. Каждый день — открытие...

Вот мы сейчас говорим, а у меня в голове стучит калькулятор, считаю бесконечно... Сможем заплатить в этом месяце за аренду или нет? Центр — это такая махина, это — производство. Сейчас ищу человека, который взял бы на себя хозяйственную часть. У меня есть ощущение, что я перестала развиваться из-за отсутствия времени. Мне некогда. Я очень хочу продолжить свою методичку, доделать ее. А то напишу две странички и застопорюсь. Одна моя знакомая, тоже державшая подобный центр, ушла из этой сферы. «Я устала. Я занимаюсь не детьми, а техникой пожарной безопасности», — сказала мне она.

Кстати, сегодня попался хороший проверяющий, нам повезло. Я спросила, почему чем круче у центра оборот, тем больше его шерстят. Иные работают даже без лицензии, и с них нет спроса. Мне на это ответили: до поры до времени, пока на них кто-то не пожалуется...

Я вам пришлю свой концерт к юбилею, посмотрите, мне будет очень приятно. И буду очень рада прийти к вам на спектакли с внучкой».

Я посмотрел концерт моей собеседницы. Для меня артист начинается с тембра. Так я определяю своих. Когда мы беседовали, я сразу отметил, насколько речь моей героини кинематографично точна. Когда же услышал, как она поет: свободно, без форсажа, поет, как говорит, — понял, что она могла бы прекрасно зазвучать на театральной сцене, у нее есть для этого все. Кроме свободного времени. Без нее ее детище, Школа, просто завянет. Она для Школы и солнце, и вода, и воздух.

После этой главы я все больше думаю о вопросе публичности, огласки. Я занялся написанием документального текста, который не предполагает видеть размытое изображение вместо лица. Об этом, может быть, и не следует писать, но я не могу не делать этого. Это ещё один симптом всех нас, кто на другом берегу от особых людей. И я возьму на себя смелость сказать, что это нас разобщает, между нами нет диалога, мы закрываем дверь на все замки и лишаемся слуха.

Встреча с моей героиней помогла мне понять, как устроен процесс обучения особых детей изнутри. Я благодарен ей от всего сердца.

От моего дома до Школы было всего 95 шагов. Теперь мне кажется, что больше.

Глава 5. ПОЭМА О КРАСИВОЙ ЛЮБВИ

Поэма о мужестве отдельно взятой матери. Кем взятой? Зачем взятой? Поставленной перед фактом роковых обстоятельств — быть мамой особенного ребенка. Это особенно трудно понять тем, кто не испытал это все на себе. Господи, пронеси мимо чашу сияю. Господи, дай ей сил, дай ей все, что она попросит и не попросит. Она будет молчать и терпеть. Терпеть и молчать, бороться и не молчать.

Кто сказал, что не нужно писать поэм о мужестве? Кто этот человек? Кто сказал, что сейчас другое время, другие люди, другие взгляды, всё другое — не спорю, здесь даже любовь другая, не та, не такая. А какая она была? Кто ее помнит? Где эти люди? Здесь даже мы другие, у нас нет сил возлюбить ближнего своего. У нас нет сил возлюбить себя. Мы боимся говорить на особые темы. Мы считаем их запретными. Есть мнение, что если ты будешь об этом говорить, ты можешь притянуть это всё к себе. Поэтому страхни все, что ты здесь написал и наговорил. Страхни и думай о чем-нибудь другом. О нанотехнологиях, о будущности планеты, о своей личной будущности, о вещах размытых, эфемерных, иллюзорных. О чем еще думать? Подумай, наконец, о деньгах, о ставке на кредит, который ты давно собираешься взять. Но не думай об особых детях. Тебе еще рожать. Ну, в смысле не тебе, а твоей жене. Разве ты не боишься? Подумай хоть раз своей головой. Не лезь не в свое дело. Это особое дело не для тебя.

Зачем ты пишешь эту поэму? Матери от этого легче не станет, ребенку тоже, пусть этот ребенок давно не ребенок, а выросший, ничего не изменится, пойми это. Этот текст прочтут твои 3214 друзей в фейсбуке. На самом деле прочтут порядка пятидесяти человек, остальные пройдут мимо, страхнут твой текст из своей ленты. Он им ни к чему, у них своих проблем вагон и маленькая тележка. А тебе все мало, ты посмотри на него, что же с тобой будешь делать?

Ты написал текст о директоре школы для особых детей, выложил его в сеть, предварительно обговорив все условия, и был вынужден удалить его через два часа после публикации. Правильно! Директор школы для особых детей хочет, чтобы его заведение работало в прежнем режиме, а здесь ты со своими текстами, изменяющими форму. Директор школы для особых детей не хочет изменять форму, потому что знает, что это такое не понаслышке. Это дорого обходится, порой ценою в жизнь. Сиди, не высывайся, делай свое тихое дело, сохраняй форму, приумножай незаметно нажитое, а главное — улыбайся, улыбайся. Чего раскис?

Я все никак не могу начать писать эту поэму, потому что слышу чей-то голос за спиной. Когда-то в детстве мама пугала меня. Зачем она это делала? Из щели в окне тянул холодный воздух и раскачивал еле заметно штору. Я всегда замечал это колебание. Мама говорила, что это духи желтых листьев дуют на эту штору. Это было реально страшно. И летом, и зимой, когда листья еще не желтые, когда листьев уже или еще нет. Сейчас эти голоса исчезли, ушли, на время. На время, за которое я смогу кое-что рассказать, написать поэму об одной маме.

Мы с ней поговорили один раз в жизни, неделю назад, до этого только виделись и то мельком. У нас не было повода говорить друг с другом. А знакомы мы, пусть и не общались до этого, почти двадцать лет. Я учился вместе с ее сыном в хоровом лицее. Я назову его имя. Его зовут Кирилл. Больше имен не будет. Хотя на этом месте может быть любое имя ребенка. Особого, неособого, это неважно.

Кирилл поступил в первый класс, когда я перешел в пятый, перепрыгнув через четвертый. У нас одна первая учительница на двоих. Кирилл — первый особенный человек в моей жизни. Тогда, в 2003-м году, я не знал, что такое особые дети. Я просто сидел на задней парте на уроках класса, в котором учился Кирилл. Почему? Моя первая учительница подрабатывала репетитором, подтягивала меня по математике. Математика программы 5-го класса давалась мне с трудом. Когда началась алгебра (в седьмом) — трудности сняло как рукой, или все дело в том, что мама купила мне поурочное планирование, где были расписаны все контрольные задания? Я решал их дома, на опережение, и выдавал в классе за сделанные в режиме live. Лжец, обманщик, актер, лицедей.

Кирилл выделялся из ребят. Он перетягивал одеяло на себя, брал внимание, уводил его от школьной доски. Мог встать во время урока, куда-то пойти, неожиданно что-то громко сказать и вызвать смех у всего класса. Важно сказать, что это был незлобный смех, а взрыв первоначальной радости, непрограммируемый, без злого умысла, чистый восторг. Я сам смеялся. Видел смеющегося в ответ Кирилла. Он был счастлив принести радость, он купался в ней.

Прошло двадцать лет, а я все так же вижу его перед собой. В хоровом лицее учились одни мальчики. Вы понимаете, как это трудно. Энергия сублимируется в отсутствие женского присутствия, принимает разные изоощренные формы, все время норовит материализоваться в агрессию, злобу, бунт. Это может случиться в любой момент. Так было в старших классах. Я знаю, каково это, когда над тобой смеются, когда тебя травят, в легкой форме. Но меня никогда это не удручало, наоборот, в моих глазах появлялся блеск азарта и еще большего желания быть другим, выбиваться из толпы, из нормы, из колеи, по которой идут все. Я хотел быть особенным.

Я помню оранжевую рубашку в клеточку, зеленые вельветовые брюки, в которых Кирилл приходил на занятия. Подчеркнутая яркость. Прости меня, Кирилл. Обними меня. Мы не виделись двадцать лет. Ты меня не помнишь, а твоя мама помнит. Мы помнили друг друга все эти годы, чтобы однажды списаться ВКонтакте, договориться о зум-встрече и болтать о тебе два часа, пока ты принимаешь процедуры в санатории. У мамы было два часа свободного времени. Она могла посвятить их себе и должна была их себе посвятить. Но она говорила со мной, писала вместе со мной эту поэму, эту странную книгу. Мы говорили о главном, сейчас и всегда, о тебе, Кирилл, о тебе, без тебя. Прости нас.

Нет, это не они. Это не голос духов желтых листьев. Это голос мамы, о которой поэма, о которой веду речь. Голос ее нежный и крепкий.

«Это была красивая любовь (папы и мамы). Родился Кирилл. Через год после рождения мы узнали, что была родовая травма. Первый год ребенок развивался нормально, а потом... Я плакала каждый день на протяжении пяти лет. А потом пошла на курсы личностного роста. Такие курсы многие хают, говорят, что там зомбируют. Мне лично эти курсы очень помогли. Я перестала плакать. Я увидела, что у людей тоже есть проблемы, и они гораздо сложнее, чем у меня. Все познается в сравнении. Мой ребенок сам передвигается, обслуживает себя. Надо взять себя, наконец, в руки и жить эту жизнь вместе со своим любимым ребенком в радости и принятии. Жить, а не оплакивать жизнь. Родовая травма повлияла на центральную нервную систему, на скорость мышления, координацию. Но в то же время прекрасные данные для музыки, абсолютный слух, голос. Попытка поступить с первого раза в хоровой лицей закончилась провалом. Репетиции, дополнительные занятия по сольфеджио, посещение занятий подготовительного отделения каждый божий день. Кириллу трудно с такой мамой, как я. Мне кажется, да. Я всегда ставила ему высокую планку и поднимала ее с каждый новым этапом все выше и выше. Ему дается все с большим трудом. Но он усидчивый и упертый. Это помогает ему. Чтобы возить Кирилла в хоровой лицей, я выучилась на права. Он проучился в лицее четыре года, получил мощную базу для дальнейшего обучения, потом перешел в школу для особых детей. Поступил туда легко».

Не хочу прерывать, но не могу не добавить. Планка в лицее была действительно запредельной. В моем классе поначалу был 21 человек (на момент набора в первый класс), к выпускному 11-му классу из первоначального состава остались только восемь. Кто-то понял, что музыка — не его, кто-то не выдержал нагрузки. Я все думаю о другом. Мне казалось, что Кирилл проучился в колледже от силы год, не больше, а потом ушел. А он проучился четыре года, время в голове сжимается, живет по своим законам. Я искал страничку Кирилла в сетях несколько лет назад, нашел, узнал на аватаре, он почти не изменился. Но давно не заходил на страницу. Так давно, что даже не показывалась дата последнего визита.

«Это мы, духи желтых листьев, прерываем твой текст, укоряем тебя в том, что ты задумал писать поэму, а не пишешь ее, потому как не умеешь. Ты словоблудишь, строчку за строчку цепляешь насильно, беспомощно, ты только воду мутить, и все. Будь аккуратен, мы говорим тебе это как твои далекие друзья из детства. Помнишь шторку, ведь помнишь? Не называй никаких фамилий, рисуй только контур, не раскрашивай. Потому как краски все будут темные, тусклые, вымученные, вымытые. Воспитывать особого ребенка — это значит каждый день биться лбом о стену непонимания, инертности, глупости, твердолобости, это череда синяков, ссадин, зарубок на сердце. Не называй имен, парень учится, не мешай ему. Он закончил школу для особых детей, отлично сдал ЕГЭ и с первого раза, параллельно со школой окончил музыкальную школу, пятилетку, потом поступил на подготовительные курсы в музыкальное училище на факультет сольного хорового пения, учился у прекрасных педагогов, которые помогали, вели, курировали, поддерживали его во всем. В училище был прекрасный класс, одни девочки, которые стали Кириллу мощной поддержкой. Это была эйфория. А потом были подготовительные курсы в консерваторию. В консерватории — жесткая конку-

рениция, там каждый сам за себя. Сейчас Кирилл учится там, поэтому ни о чем плохом, лишнем не говори, даже не шепчи. Понял? Даё ему спокойно учиться, третий курс вот-вот начнется».

*По траве-мураве, по зеленой
Христос воскрес, Сыне Божай.*

Я пою этот духовный стих, чтобы духи желтых листьев исчезли, отпустили меня на свободу, не шептали на ухо. Стих о Христе, о зеленой траве, о мире, любви, о свободном житии-бытии отпугнул их. Конечно, на время.

Конечно, они правы, поэтому их невозможно слушать долго. Правда должна быть короткой, дозированной, пролонгированной, выданной по порциям. Иначе ей можно убить. Зачем? Лучше не спешить. От нее все равно не убежишь. Все тайное — станет явным. Все злое окажется добрым, а доброе — чем-то другим. Все желтые листья — станут зелеными. Это вечный закон перевертыша, а кажется, что обновления. Так будет. Всегда.

Сейчас Кирилл учится в консерватории на факультете древне-певческого искусства, изучает вместе со служителем церковно-славянского языка. Все говорили маме, что это невозможно, что ничего не получится. Получилось. В свое время у меня не получилось поступить в консерваторию на факультет композиции. И я поступил в театральный. Кирилл поступил с первого раза и по окончании консерватории станет регентом. Он воцерковляется, ищет веру в себе и вокруг. Мама Кирилла, как и ее сын, ищет веру, у них во всем пожизненная синхронизация. Здесь на земле и там, где мы все встретимся. Надежда на эту встречу и дает нам возможность синхронизироваться друг с другом. Иначе зачем все это?

Каждое воскресенье Кирилл поет на службе в церковном хоре. Мама возит его в храм, расположенный на другом конце города. А этим летом ездила с ним в Москву.

«Это мы. Духи. Мы вернулись. В Москву, в Москву. Что вы все туда прётесь? Намазано там вам, что ли? Столица резиновая, это все давно знают. И вы этим пользуетесь. Но помимо того, что она резиновая, она еще и прожорливая, сожрет и ребенка, и маму, и тебя — автора этой поэмы, этой, смешно сказать, книги. Вот где будет изменение формы, обжиг огнем, пытка каленым железом, раскол на части. Это не драматизация, это суровая реальность, это снова она, правда жизни. Нечего вам делать в Москве. Ради этого мама должна бросить стабильную работу, на которой проработала двадцать лет, которая помогала и помогает тянуть Кирилла все эти годы, да? Начать все с нуля? Как ты, автор? Каждые два года с нуля? Обнуление — как способ жизни. Поищи по карманам закатившийся куда-то ноль. Где он? И его нет?»

«Красивая любовь. Красивая любовь. Красивая любовь. Красивая любовь. Красивая любовь. Красивая любовь», — говорю я, закрыв глаза. Это звучит как молитва. Открываю глаза и вижу, что шторка моя московская больше не колышется.

Их нет и больше не будет. Этих голосов духов желтых листьев. Я больше не буду бояться, я обещаю. Нельзя писать и бояться. Это противоестественно. Это бесчеловечно по отношению к себе и другим. Это обман. Это неправда. Духов желтых листьев придумала моя мама. Она у меня выдумщица. Самая любимая выдумщица.

Голос мамы. Не моей. Монолог, завершающий поэму, но не завершающий ничего.

«Я переживаю, что Кирилл утонет без меня. Мы с моим мужем поженились в марте, в апреле следующего года у нас уже родился ребенок. Особый ребенок. У нас не было толком времени пожить друг для друга. Я не рискнула завести еще одного ребенка. Жалею, но ничего уже не исправить. После поездки в Москву наша жизнь с Кириллом изменилась. Мы пробовали поступить в Гнесинку, но не было мест. Цена за обучение в год заоблачная. Но мы не будем сдаваться. Москва летом — почти рай, это был глоток свежего воздуха для меня и Кирилла. Папа с нами вряд ли поедет. Он любит Кирилла, но до сих пор не может его принять. Стесняется его, когда тот очень громко говорит. У нас с Кириллом позади трудный путь, но нам надо идти вперед. Кирилл должен развиваться. Это можно сделать только в столице. Он очень хочет встретить свою любовь, создать семью, родить детей. Ему 26 лет. Самый расцвет жизни. Недавно прочла в интернете такую фразу, она, конечно, идет вразрез с религией и богословием, но она характеризует мое жизненное кредо: «Бог помогает тем, кто помогает себе сам». Думаю, эта фраза не нуждается в расшифровке. Дай Бог, увидимся в Москве, Денис».

Зум-встреча закончилась, но точка не поставлена. И будет ли когда-то вообще сто-

ять? Работа над этой книгой — особый опыт для меня, уникальный в своем роде. В ней всегда присутствует незримый третий: то духи желтых листьев, то чистый, неразбавленный страх. И третий здесь совсем не лишний. Третий — провоцирует конфликт, проверяет меня и моих героев на прочность. Неужели, чтобы существовать, нам нужна эта каждодневная битва и бойня с кем-то невидимым?

Я не говорил с Кириллом, у нас еще все впереди. Я только слышал, как он поет. Отдельно взятый особый человек в моей судьбе. Его мама прислала видео его выступления. Когда смотрел на Кирилла, поющего «Христос воскрес, Сыне Божай», ощущал на себе, на брэнном теле своем, на душе грешной, что это такое — красивая любовь.

Я хотел написать поэму о мужестве отдельно взятой матери. Кем взятой? Зачем взятой? А написал поэму о красивой любви, у которой нет правил и причин для возникновения. Она появляется, когда готовишься к другому, она меняет жизнь и прежние планы. Какая есть — такую и принимай. Такую — и люби. Возлюби. Пришло время отдавать, а не брать. Но если дают — бери. Не бойся.

Я верю, что мы не потеряемся, будем списываться и, конечно, встретимся в Москве. Ведь для чего-то мы увидели однажды друг друга, поставили точку отсчёта, вернее, начала чего-то, длящегося вот уже больше двадцати лет. Немыслимо, необъяснимо. Наши формы изменились, но мы по-прежнему мы. В режиме live.

Межглавный сон 2-й. УЧИТЬСЯ УХОДИТЬ

*А сон-то — в руку,
А сон был — вещей.
(Из альбома одной девушки)*

Недавно на youtube увидел интервью с одной очень известной актрисой, чьи работы в театре и кино давно люблю, с самого детства. На этом самом месте эта актриса должна прервать меня, а лучше бросить в меня лаковой туфелькой, а еще лучше — попросить любезно или не очень любезно — выйти вон. Забрав предварительно с собой свое детство.

Не хочу называть ее имени, чтобы не возникло привязки к вкусовым предпочтениям. Тем более что эту актрису многие не любят. Не знаю почему, я из другого клана, клана любящих, поэтому никогда не пойму тех, других.

В этом интервью она сказала важную вещь, о которой я, в силу профессии (а она у нас одна на двоих — актёрская), в последнее время думаю все чаще и чаще.

Это тема зависимости актера от... и можно перечислять до бесконечности. Вы скажете, что каждый человек от чего-либо и кого-либо зависит в этой жизни. Да, конечно. Но актер в большей степени. В первую очередь он зависит от своего внешнего вида. Он всегда должен быть в идеальной физической форме, иначе его сбросят со счетов. - Если ты выбираешь путь «пышной фактуры» и становишься успешен в этом весе, ты тоже оказываешься заложником килограммов. Тебя воспринимают как упитанного характерного актера (или актрису), который чаще всего на сцене или на экране для того, чтобы смешить. Конечно, все упирается в вопрос актёрского диапазона и в величину таланта. Если актер действительно одарен и поцелован Богом, он будет нужен в любом весе. Да. Такие примеры есть, не будем называть имён, чтобы никого не обижать. Эти лица востребованы, а что делать тем, кто хочет быть в строю, но почему-то не у дел, вне поля зрения режиссеров.

Вспоминаю один из первых случаев из своей актерской жизни, где подобная зависимость от внешнего вида фигурирует.

В памяти роли доинститутского периода, когда профессия ещё не вошла в мою жизнь, когда были лишь наитие, желание и обостренная, подростковая интуиция. Это были школьные постановки к Новому году, в которых я в основном играл женские роли. Да, в детстве и сейчас, если сбрызнуть щетину, мое лицо нельзя назвать мальчишеским и мужским. Когда я был ребенком, меня часто путали с девочкой.

Ситуация усугублялась тем фактом, что в школе, где я учился, были одни мальчики. Я просто спасал ситуацию. Кто, если не я? На самом деле я играл с огромным удовольствием и правильным безрассудством, целиком отдавался роли, не зная, на какие педали нажимать. Но я все-таки был зависим от распределения ролей. Я бы очень хотел попробовать роль Волка, но на эту роль ставили уже тогда brutального Егора, а я играл Свинку Ньюшу из «Смешариков». Кстати, отличная трагикомедийная роль. Кто делал распределение, я не помню. В театре его обычно делает режиссёр, в школе — ответственный за проведение Елки. Наверное, так.

Актёрские работы вне своего гендера меня не раздражали, они беспокоили ребят, учившихся со мной в школе, в одном классе, они бесили тех, кто не принимал участие

в подготовке Праздника. Теперь я понимаю, что все, что я тогда делал, все то, что я пытался играть, — было гимном свободе, полёту творческой мысли, для которой нет преград и стереотипов.

Придя работать в один из столичных театров, куда меня взяли после многоступенчатого, затяжного прослушивания, я снова столкнулся с зависимостью от внешнего вида (от фактуры-дуры). Со времён школы я подросток, чуть возмужал, совсем чуть-чуть, и прекрасно подходил на роли принцев детского репертуара театра. Сказки «Золушка», «Дюймовочка», марк-твенковский «Принц и Нищий» ждали с нетерпением своего героя. Меня. В этом театре, куда меня так долго и мучительно принимали, кастинговали, как сейчас принято говорить, я задержался всего два дня. Мне не хотелось играть принцев, скучнее дела не придумаешь. И даже зарплата, немалая по сравнению с другими театрами, не остановила меня. Принцы мне неинтересны. И точка. Обязательно нужно было топнуть в конце ножкой, капризно, по-королевски. Вот если бы был Король, это да! Это роль! В то время я был зеленым, желторотым артистом, стручком с молочным горошком.

Я горжусь тем фактом, что за своё актёрское десятилетие (с ума сойти, и мало, и много) я не сыграл ни одного принца. И не сыграю.

Совсем скоро начнётся новый театральный сезон, в преддверии которого я принял для себя судьбоносное решение. Зависимость актера от внешнего вида теперь меня волнует в меньшей степени, сегодня этот вопрос не стоит так остро. Теперь на первый план выдвигается зависимость актера (меня) от театра как места, к которому ты привязан. В последние пять лет параллельно с актёрством я активно занимаюсь режиссурой. Все эти годы мне удавалось совмещать эти две ипостаси, но в этом году... Мне стало неинтересно играть на сцене.

Я стал замечать, что в момент игры я перестаю быть актером, персонажем, я буквально выхожу из себя (и в прямом, и в переносном смысле) и начинаю сам себя режиссировать. Представьте, как будто вы кому-то что-то говорите, эмоционально о чем-то рассказываете и ещё параллельно при этом себя одергиваете, мысленно правите на ходу, а рассказ ваш бежит, льётся, собеседник вас слушает и даже не может предоставить, какой ураган творится в вашей голове. По принципу такого диалога с самим собой часто строятся наши кошмарные сны. Мы понимаем, что за нами гонится враг (без имен, у каждого свой), мы кричим себе режиссерским голосом — беги!!! — но не можем сдвинуться с места. Актер во сне не слушает режиссера.

Режиссёр внутри меня наступил на горло моему внутреннему актеру. И я сделал выбор. Правильный, неправильный — покажет время. Я буду доигрывать спектакли, вводить на свои роли других исполнителей, сбрасывать утяжеляющие меня мешки с песком и потихоньку взлетать на воздушном шаре. Долго ли я буду лететь, высоко ли — кто же знает. То чувство свободы, точнее высвобождения, которое я испытываю сейчас, — я буду вспоминать всю жизнь как самое лучшее время. Когда не побоялся уйти от зависимости, от того, что тяготит и раздражает.

Мир режиссуры — соткан из зависимостей. Я попадаю в другую воду, которая еще мутнее и опаснее. Хищники повсюду. Но в этой воде я плыву рядом с теми людьми, которые составляют мою команду, мы — одно целое, единомышленники, пусть временно, на период рождения спектакля, на то время, пока длится любовь. Актеру — сложнее. Он одинок в этом море зависимостей и, конечно, возможностей. Он ищет режиссера. Своего режиссера.

В самом начале лета вёл кружок в художественном училище в рамках студенческой практики. Усталые за учебный год студенты, выжатые и апатичные, вынуждены были потратить драгоценный месяц лета на отработку. Увидев студенческий пасьянс, я сразу заметил своих. Сейчас объясню, о чем идет речь. Но прежде скажу, какой первый вопрос я задал студентам. Я спросил: кто из вас хотел бы отсюда уйти? Не конкретно с урока-репетиции, а вообще из учебного заведения. В переводе на философский язык — кто бы хотел поменять свою жизнь прямо сейчас? Руки подняли (да: хотим) те, кого я выделил до постановки вопроса. Эти люди горят по-особенному, пульсируют, посылая свои сигналы в те места, где, как им кажется, они должны сейчас быть. Это похоже на внутреннюю миграцию. Ты здесь, в аудитории, на занятии театрального кружка, а мыслями где-то там, в пространстве мечты, в границах будущего. Я говорю «границы» с большим сожалением. Я о многом мечтал в профессии и, конечно, не останавливаю этот процесс ни на секунду, я мечтаю каждый день, много, необдуманно, парадоксально, но все-таки уже знаю, что за каждым павлиньим хвостом — обычная куриная ж... Эту фразу приписывают Фаине Георгиевне Раневской. Ей много чего приписывают. Я думаю, что она не была бы рада, узнав о такой кустарной мифологизации ее жизни. Да, ее многое раздражало в профессии. Она была зависима от нелюбви к ней как актрисе режиссёров-дилетантов и признанных мастеров, от шлейфа сыгран-

ных ролей, закрепившегося намертво комического амплуа, конечно, она также была зависима от своего сложного характера, острого слова, ума, зависима от гениального, неповторимого таланта. Она не могла молчать и пройти мимо. Особенно не любила глупость и бесталанность, которые часто идут по жизни, взявшись за руки. Но об этом нужен отдельный, подробный разговор. Неглупый и обязательно талантливый, вне зависимости от кого-либо и чего-либо. А разве такое возможно?

Писал этот текст на бегу, в заметках в телефоне, на коленках своих и чужих, на разных ветках метрополитена. Писал по дороге в театр, в котором сейчас ставлю спектакль. В моих руках были ведра (реквизит), которые мне привезли с дачи хорошие люди. Ведра были пустые (на самом деле — нет, одно ведро было в другом ведре и уже не считается за пустое), но люди от меня шарахались. Режиссёр с двумя пустыми ведрами (ты этого хотел? Да, да, отвечает). Но речь не о ведрах. При входе в театр меня встретили подвыпившие работники сцены. Я застал их примерно в районе между вторым и третьим актом празднования начала сезона, впереди кода, грандиозный финал-апофеоз и мучительный отзвук головной боли завтра на утренней репетиции. Ребята хотели мне налить, предложили по-братски примкнуть к ансамблю. Готовы были наполнить два пустых (нехор-р-рошо, нехор-р-рошо) ведра беленькой (в шутку, конечно, понарошку, ведь все вышито в первом акте). Я отказался. Непьющий. Среди актеров — редкость. Работники сцены явно были недовольны моим ответом, насупили брови, вдыхали-выдыхали воздух-перегар, сердились и выпалили в итоге такую фразу, нежно обёрнутую в трехэтажный мат: «Ну и какой ты режиссёр? Если ты...» — дальше непечатно, неразборчиво, а главное — неинтересно.

Хороший вопрос мне задали ребята. На него я отвечу себе сам. Ребятам мой ответ не нужен. Мы встретимся завтра, утром, на репетиции, когда им будет плохо и не до вопросов.

Какой же я режиссёр? Молодой, без зависимостей и вредных привычек. Пока. Любящий театр, уходящий (красиво) от того, что раздражает, и от тех, кто раздражает, ищущий одно и находящий совершенно другое. Пока. Это все звучит как объявление на сайте знакомств. Но я ведь ищу. Значит, так можно.

Этот сон не имеет отношения к особым людям, но имеет отношение к изменению формы моей жизни. Он повторяется, из раза в раз. Он меняется, становится вещим.

Глава 6. ТРИ ПОРТРЕТА

Три встречи, три монолога, три человека, волею судьбы связавшие свою жизнь с особыми детьми. С одним из моих собеседников я знаком вот уже пять лет. Разговоры с двумя другими инициированы именно им. Это тот случай, когда мосты сами перекидываются, когда герои поразительным образом вплетаются в канву истории. Спасибо видеосвязи, соединяющей нас в разных уголках страны. Спасибо моим собеседникам за смелость и отзывчивость в диалоге.

Полчаса на кружок

Саша, специалист по работе с особыми детьми в Центре реабилитации:

«Наверное, в то время я была в каком-то эмоциональном, моральном кризисе. Я искала работу и даже не думала о том, что буду работать с детьми. Что я могу им дать, тем более сейчас? — этот вопрос не оставлял меня. Я увидела на бирже объявление. Искала специалиста по работе с особыми детьми в Центр реабилитации. И место работы было рядом с моим домом. Потом я уже поняла, что у Центра было два корпуса, в которых располагаются взрослое и детское отделения. Ближе к моему дому — взрослое, а детское — в часе езды.

Если бы я знала, куда иду, то сейчас бы туда не пошла. Не потому, что я чего-то боюсь, не потому, что мне от чего-то неловко, просто в тех рамках, в какие загоняют учреждение, лично мне становится тесно.

Я веду кружок, который посещают разные дети с особенностями развития. Кружок идёт раз в неделю, продолжительность занятия — всего полчаса. За несколько лет до своего прихода в Центр я стала увлекаться песочной анимацией, оформляла песни любимых исполнителей, создавала клипы. У меня к тому времени была на руках режиссёрская корочка. Придя работать в Центр, я написала учебную программу для кружка. Назвала его — театральной студией с элементами песочной анимации.

Ко мне приходят разные дети. Кто-то говорящий, контактный, а кто-то даже не понимает, куда и зачем он попал. Такие дети присутствуют на занятиях в сопровождении родителей. И именно родители выполняют задания за своих детей. В таких условиях занятия театральным делом кажутся неуместными.

Были разные периоды в работе. Конечно, был страх. Когда не знаешь, что делать с ребёнком. А ведь с ним нужно быть в течение этих тридцати минут. Порой занятие проходит мгновенно, а бывает, длится мучительно долго. Потом страх сменился... я не могу назвать это злостью. Понимаете, все то, о чем я так подробно расписала в программе, на деле невыполнимо. И ты принимаешь эти правила игры. Я перестала стремиться во что бы то ни стало выполнить программу. Знаете, так обычно говорят о корабле — лечь на курс. Так вот, я легла на этот курс. И стало спокойнее.

Занятия с песком — удобная, безопасная среда для ребёнка. Это тот способ, посредством которого можно безболезненно начать общение, выстроить контакт. Из всех детей, посетивших занятия кружка за время моей работы (а их было в общей сложности около ста), только два человека отвергли песок из-за неприятных тактильных ощущений.

Любой ребёнок, здоровый или особенный, моментально чувствует фальшь, ложь, неискренность. Он быстро вас раскусывает. Он либо доверяет тебе (доверяя твоей искренности), либо делает так же, как ты, копируя заданную модель поведения. Нужно быть самим собой, просто быть рядом. А главное — создать комфортную атмосферу. Бывает, что на это уходит не одно, не три, а десять занятий. Все индивидуально. Если ребёнок не идёт на контакт, надо сделать все возможное, чтобы ему стало необходимым начать общение, нужно спровоцировать его на ответ, диалог. Дети реагируют на малейшее изменение ситуации, нужно быть всегда на чеку и в процессе, верно определять настроения внутри группы.

Ребёнок попадает в наш Центр на три месяца, когда ему необходима социальная адаптация. Помимо моих занятий, с детьми работают дефектолог, логопед, психолог, все по рекомендации терапевта. Очень часто к нам поступают неговорящие, несоциализированные дети. Родители затягивают, поздно обращаются к врачам, надеются, что все выправится, они верят, что их ребёнок — здоров, а все возникающие отклонения от нормы временны. Также родители боятся огласки. В 90-е годы эта тема была табуирована, сейчас родители постепенно обретают свободу, перестают бояться осуждения. Они получают ответы на свои вопросы от специалистов и понимают, что они не одиноки.

Я не имею права лезть в родительство, но в то же время я имею право на своё мнение по этому вопросу.

Все мои идеи поставить сказку разбиваются в пух и прах на стадии замысла. Все цели остаются на бумаге. Что я могу сделать за эти три месяца, занимаясь с детьми полчаса в неделю. Что? Это злит, раздражает. Помимо того, что ты настраиваешься долго и подробно на ребёнка, так ты еще борешься с бюрократической системой. Особым людям нужно особое время, которого нет. Полчаса — это мало, если не знаешь, с чего начать. А если знаешь — это целая возможность для тех, кто находится рядом друг с другом эти 30 минут. Я учусь. Учусь ее не упускать.

Как ни странно, в моем кабинете и на моих занятиях почти нет меня. Частенько и имени моего дети не помнят. Мои полчаса дети называют «песочек», «сказка», «играть», «копать», «Саша», просто «сюда», и только изредка по имени-отчеству. Я привыкла. Правильно это или нет? Не знаю. Мы проводим эти полчаса так, чтоб захотелось еще и еще.

Есть дети, которые ходят ко мне в кружок все четыре года, что я работаю в Центре. Я вижу прогресс, реальные результаты. У всех свой темп, кто-то очень долго запрягает, отстаёт, а потом через два-три года делает мощный рывок в развитии, выравнивается.

У меня есть частная практика, если так можно сказать. Я прихожу к детям и их родителям на дом, мы занимаемся песком. Это большая радость для меня. Здесь каждый ребёнок несчастен. Хочу рассказать об одном мальчике. Мы начали заниматься с ним, когда ему было десять лет. Сейчас ему 15. Выглядит он младше своих лет. У него ДЦП, гидроцефалия. Когда я пришла к ним в дом, я знала, что ребёнок сохранен. Он не держал сам ложку, сам не одевался. В то же время он говорит, мыслит, общается. Мы долго учились набирать песок в кулак, контролировать локти, кисть, направление движения. Только три года учились писать буквы. В игровой форме развивали мелкую моторику. Да, ему будет трудно с социализацией. Потому что он — другой. Он добрее, искреннее. Случись ему столкнуться с нашим нехорошим миром, в ответ он получит много боли. А если он с ним не столкнется, он не сможет жить.

Я и его мама очень надеемся, что он пойдёт сам. Сейчас мама придерживает его, помогает в передвижениях по квартире. Он держит сам ложку, пишет цифры, фиксирует кисть, контролирует движения. Чтобы тянуть своего ребенка, мама собирает средства в интернете. Она работает массажистом, чтобы в первую очередь делать массаж своему ребёнку. До трёх лет мальчик рос как все, потом начались изменения. Каждый родитель стремится сделать все возможное, чтобы ребёнок смог сам обеспечить себе

жизнь после ухода родителей.

На самом деле, мы для особенных людей тоже особые люди, другие. И наше сосуществование вместе очень сложное, но интересное. Нам нужно найти подход к пониманию друг друга. И одним подходом здесь никак не ограничишься. Нужна целая связка ключей, чтобы открыться друг другу».

Красная вода

Ирина, детский врач-стоматолог:

«Изначально я хотела быть психиатром. Поступала два года, и оба раза мне не хватило балла. В третий раз поступила на стомат. Там и осталась. С детьми работать не планировала. Крики, сопли, слюны — не для меня. Так я думала. С шестнадцати лет начала работать в травматологии. В одно из дежурств принесли ребёнка с фимозом. Как выяснилось, ребёнку было сделано обрезание, заведующая у нас была иудейкой, этот семидневный ребёнок был «от неё». Я дала ему мизинец, он начал его посасывать, потом запищал. Потом я упала в обморок. Когда пришла в себя, сказала (сама себе), что больше работать с детьми не буду.

Но по какому-то стечению необъяснимых логикой обстоятельств я выбрала специализацию — детская стоматология. У меня были сильные учителя. В девяностые годы детская стоматология не была в приоритете, ведь такие врачи должны обладать навыками терапевта, ортодонта, хорошо ориентироваться в периодах внутриутробного развития плода.

Раньше особых детей на приеме было немного. К деткам с ДЦП обычно заезжали на дом, мамочки с детьми не приходили в поликлинику. Сейчас отношение к особым детям меняется, тот стереотип девяностых — умалчивания, что у тебя растёт особенный ребёнок, — постепенно уходит.

На приемах особый ребёнок может не слышать, не видеть, не реагировать, а если реагировать, то только на тактильные действия. Я как врач отношусь к нему как к обычному ребёнку. Между нами должны завязаться человеческие и медицинские отношения. Любой ребёнок смотрит тебе прямо в глаза. То, что он в них увидит, — и будет в нем. Эти детки знают глаза, голос доктора, запоминают ощущения, запахи. Нам очень тяжело понять, что творится у них в голове, как они сейчас нас воспринимают и воспринимают ли вообще.

Нам учителя в институте говорили: «Помните, детская стоматология — это всегда быстро».

Главное, с самых первых секунд, с момента вхождения ребёнка в кабинет, построить с ним верную стратегию взаимоотношений, увидеть примерный сценарий приема. Важно оценить походку, взгляд, заметить, как ребёнок говорит, двигается. Улыбнуться ему в ответ на его улыбку или, наоборот, проявить такую эмоцию, чтобы он улыбнулся. И, конечно, это все касается и связи с родителями. Врач должен ее чувствовать и всегда ставить себя на место родителей. Если ребёнок сидит в стоматологическом кресле и кладёт руки за голову — значит, ему комфортно и хорошо. Часто родители просят ребёнка опустить руки, сесть, как следует, я останавливаю их, даю ребёнку право быть свободным. Конечно, все индивидуально. С кем-то нужно ласково, с кем-то — построже.

В пандемию мы вели приём пациентов с острой болью, но, несмотря на это, были с пациентами в постоянном контакте. Волонтеры от медицинского института приезжали к деткам на дом и проводили уроки гигиены, чистили детям зубы. Благо в нашем городе есть колледж, где готовят гигиенистов. Студенческая помощь — серьёзное подспорье для семей, где есть детки с двигательными нарушениями, плохо развитой моторикой.

Конечно, необходимо включить приём особенных пациентов в программу обязательного медицинского страхования. Стоматология — дорогое удовольствие, требующее от родителей больших вложений. А сколько уходит денег на реабилитацию деток? Поэтому такое включение просто необходимо.

Конечно, приём — это, по сути, мини-спектакль с действующими лицами. Хирург, удаляющий зуб, просит ребёнка представить, что он вытаскивает из его рта хрустящий «чипс». Слюноотсос — это не страшная штука, а слоник, собирающий слюну. Паста для пломбирования — невкусное варенье. Вода, смывающая излишки пасты, — волшебная сонная водичка. Я знаю одного хирурга, который устраивает для своих маленьких пациентов концерты. Дети его обожают.

Нельзя произносить слово «больно». Ребёнок фиксирует с детства неприятные ощущения, вспоминает, когда он ударялся, обжигался, когда родители спрашивали его: «Тебе не больно?» — а он плакал.

Меня учили: если ты врач, ты оказываешь помощь, а не услугу. Сейчас отношение

к врачам сплошь и рядом потребительское. Многие доктора уходят из-за этого из профессии. Пока отношение к врачу не изменится, такая текучка кадров будет продолжаться. А вообще, в детской стоматологии лишних людей нет. Все, кто попал сюда по ошибке, быстро уходят, они не могут настроиться на детей.

Родители очень надеются, что их ребёнок когда-то выздоровеет, они не теряют надежду. Попадая в интернат, выросшие дети становятся нужными только государству. Кто захочет взять взрослого в семью? В России существуют сестринские братства, сестры-милосердия, которые учатся в училищах при храмах, идут в интернаты, чистят зубы детям. Таких училищ в стране мало, а они должны быть в каждом городе. К концу жизни человек в интернате остаётся без зубов, их попросту не лечат, а сразу удаляют. Когда плохо развиты жевательные мышцы, идёт быстрое стирание, зажат височно-челюстной сустав. Удаляют зубы при общем обезболивании. Идут постоянные споры о том, как наркоз влияет на мозг особых людей. Точного ответа нет до сих пор.

Я хотела быть врачом с детства и никогда не боялась крови. Для меня кровь — это красная вода. Когда я лечилась от онкологии, врачи мне делали «химию» красным и белым растворами. Я сразу полюбила красный (от слова — красивый), если вообще можно применить такую формулировку — полюбила. Я представила, что это такой компот, и красная «химия» мне далась намного легче. Белый раствор ассоциировался у меня не с водой (такая ассоциация не шла), а скорее с водкой. Знали бы вы — как мне было плохо. Для человека, особенно для ребенка, невероятно важны ассоциации, верные образы. Они влияют на нашу психосматику, на течение болезни в целом. Я лечилась так, как лечу детей сама, по такой же внутренней схеме. Это и помогло мне. Болезнь отступила».

Адаптация

Ирина, сопровождающий в Свято-Софийском социальном центре, первом в России негосударственном Домике особого типа:

«Я родилась в небольшом городке Волгоградской области. Родители отдали меня в кружок по спортивной гимнастике. Он располагался в райцентре, час езды на автобусе от школы. С того времени спорт вошёл в мою жизнь окончательно и бесповоротно, приучил к жизни по строгому расписанию. Во взрослом возрасте я завела для дел три блокнота: семейный, рабочий, в третий я записывала все, что связано с хобби (танцы).

В 2019-м году у меня погиб сын. В квартире произошла утечка угарного газа. Несчастный случай. Газ каким-то образом накопился в квартире, вентиляционные шахты были не прочищены. Было лето. Я не открывала окна, работал кондиционер. Я задержалась на работе на пятнадцать минут. Пришла, и он мне не открыл. Было поздно.

Я не была воцерковленным человеком, но знала, что Бог где-то есть, что он меня не бросит. Я не ходила на исповедь, не посещала службу. После несчастного случая я не могла оставаться в квартире, в городе. Спасибо моим подругам в разных уголках страны. Они поддержали меня, приглашали к себе. В том числе пригласила подруга из Москвы, куда я вскоре и переехала.

Нужно было понять: что делать дальше? Надо жить. До трагедии я работала консультантом по спорту в муниципальной службе, параллельно вела кружок с детьми, занималась адаптивной физической культурой (АФК).

Человек... он ведь создан для радости. И в первую очередь он живет, чтобы радовать родных и близких. Ты не имеешь права тухнуть, ныть, сетовать на судьбу. Моя подруга, работавшая в социальном центре для особых детей, предложила мне поехать в лагерь, на все лето, пообщаться с детками, понять изнутри, как все устроено. Мы поехали в лагерь вместе с сыном и были поражены, сколько в этих детях радости, неподдельной любви к жизни, оптимизма. В них нет лжи и фальши. Сын весь год ждал поездки в лагерь, мы ездили туда два года подряд. Он с огромным удовольствием изучал язык глухонемых, сдружился с сурдопедагогом. Это были мои первые встречи с особыми детьми.

Я не думала, что останусь в Москве. Понимала, что в Волгограде не смогу находиться физически. Я не могла ни есть, ни спать, ни работать, полусонная тащила на работу и там засыпала на ходу. Какое-то время, по знакомству, я устроилась в центр постинсультной реабилитации, занималась с пожилыми людьми физкультурой, предварительно прошла курсы переподготовки. Но я не видела отдачи. Потухшие люди, потерявшие смысл жизни, ко многим не приходили родственники. Меня волновал один вопрос: почему так? Родители вырастили своих детей, а дети о них не вспоминают месяцами.

Я поняла, что нужно что-то менять, начала поиски работы, рассылала резюме. Так я и попала в Домик. В нашем Домике живут дети-сироты, дети, оставленные родителями. Ранее эти дети находились в интернате. При поддержке и по благословию вла-

дыки, нашли помещение, набрали команду педагогов, забрали детей из интерната. Все это делалось и делается до сих пор при поддержке епархии.

Когда я первый раз пришла в Домик, я была уверена, что меня не возьмут. Вокруг меня было столько добрых, отзывчивых, почти святых людей. Вот уже год я работаю здесь сопровождающим. Я рядом с ребёнком тринадцать часов. Всего в Домике три группы проживающих детей, я работаю в группе «Адаптация», в ней колясочники, с разными нарушениями, в основном ДЦП. Также есть группы: «Школьники» (детки с сохранённым интеллектом) и «Шустрики» (самая младшая группа).

На моем попечении — мальчик и девочка. Мальчику — двадцать лет, девочке — четырнадцать. У девочки доброкачественная опухоль в головном мозге, диагностированная много лет назад, ДЦП и эпилепсия. Она неговорящая. Мальчик с ДЦП, у него нет зрения. Он очень музыкален, любит петь, подхватывает любую спетую мелодию, говорит плохо. И девочка, и мальчик живут в Домике уже шесть лет. Конечно, за время, когда они были в интернате, многое упущено.

Я прихожу на работу к восьми утра. Каждый день в Домике не похож на предыдущий. Сегодня ребёнок тебе улыбается, завтра он чем-то недоволен. Режимные моменты одни и те же, а эмоциональные составляющие всегда разные. Мне кажется, они узнают меня по шагам. Я пришла работать в Домик уже после карантина. В пандемию сопровождающие неделями жили с детьми, потом сменялись, чтобы снизить риск заражения. Дети, из тех, кто переболел, легко перенесли болезнь.

Понимаю, что мне не хватает медицинских знаний, хочу пройти сестринские курсы. У этих детей нет других взрослых. У них есть я, другие воспитатели (мы работаем посменно, два через три). Они надеются, смотрят на тебя. Да, я не их родная мама, но я сделаю все возможное, чтобы им было хорошо. Я даже готова была взять моих подопечных к себе, оформить опеку. Но для этого нужна специально оборудованная квартира, в которой будут созданы все условия для них, это все очень сложно. Мне важно быть полезной, нужной. Я заряжаюсь от того, что они во мне нуждаются.

Мы как-то вышли летом с мальчиком погулять. И оба посмотрели на солнце. Я закрыла глаза от света. И он тоже закрыл. Значит, он чувствует свет, видит его.

В нашем центре есть парнишка с синдромом Дюшенна. Это генетическое заболевание, при котором отмирают клетки мозга, атрофируются мышцы. Ему двадцать лет. Он знает, что долго не проживет. Во время сна его подключают к аппарату искусственной вентиляции лёгких. Он контактный, передвигается на автоматизированной коляске, к нему приставлено индивидуальное сопровождение.

Знаете, я больше не строю планов на день, живу здесь и сейчас. Все зависит от настроения «моих детей». Адаптация — как способ жизни. Нужно ловить состояние сегодняшнего дня, видеть людей, окружающих тебя, и планы вырисовываются сами собой. И, конечно, нужна любовь. Все, что делаешь, все, чем живешь и дышишь, делай с любовью. И не бойся меняться и менять. Стоячая вода тухнет, цветёт и плохо пахнет.

А вообще, наш Домик лучше посетить, чем о нем рассказывать. Это уникальное место с замечательными людьми».

P.S. Мы договорились с Ириной встретиться снова, уже в Домике. Эта история следующей главы, нового дня. Конечно, я переживаю перед этим визитом. Это будет мой первый опыт посещения таких центров. Я увижу детей совсем близко. Но я надеюсь на Ирину, на ее поддержку. Так же как я надеюсь на моих героев — Сашу, на другую Ирину-стоматолога, и, конечно, заранее прошу у них прощения. Я занимаюсь странным делом: по сути, вторгаюсь на личную территорию, стенографирую монологи жизни, ничего не меняю, просто облакаю их в слова, присваиваю их, как актер присваивает роль, проживаю этот отрезок жизни вместе с героями.

И я представляю, какой каскад чувств должны испытывать мои собеседники, прочитав о себе. Все то, к чему они шли годы, все радости и потери, уместилось в несколько тысяч знаков, а сколько осталось между строк, слов, между звуков. Целая жизнь. Слова, слова, слова. Они — лишь вершина айсберга. Нет, айсберг — это что-то холодное, леденящее, опасное. Это неверное сравнение, неточная ассоциация. Мы говорим о чем-то теплом, нежном, хрупком, к чему нужно прикоснуться как можно осторожнее.

Я смотрю в глаза своим героям, они смотрят на меня, я стараюсь их понять, задаю наивные, но честные вопросы и получаю на них откровенные и такие же честные ответы. Это большая радость писать об этом. Проживать все это. И надеюсь, что у читателей возникнет ответная радость от прочтения, а на самом деле, от знакомства с этими особенными людьми моей жизни.

Глава 7. ПРЕДЧУВСТВИЕ ВСТРЕЧИ

«Это не книга, это ее предвкушение. Книгу напишет жизнь», — написала мне одна из мам особенного ребёнка, прочитав первые главы.

Да, я согласен с ней. Хороший текст, неважно, проза или поэзия, — это всегда предчувствие событий, будущих перемен. Тонко настроенный на время автор предопределяет, генерирует текстом события и в его личной жизни, и в жизни мира в целом.

Жизнь каждого из моих героев достойна отдельной книги, которую должны написать они сами. В идеале — так. Из первых уст — и не иначе.

Как все же удобно плыть в сюжетной прозе, держаться за коллизии, герой сам ведёт тебя, меняет твой первоначальный замысел, попадает в новые передраги. И ты вместе с ним, видишь его со стороны, следуешь за ним. В моей книге главный герой не определяется, фокус постоянно смещается от одного к другому. Поэтому мне трудно вставить на место моих персонажей. Срабатывает инстинкт самосохранения, это те вещи, которые трудно менять. Я крепко держусь за встречи, генерирую общение с новыми героями, мониторию Инстаграм, Фейсбук, пишу незнакомым людям в Директ, не боясь (теперь), предлагаю повод для встречи, тему разговора и жду от них отклика. И чаще всего этот отклик получаю.

«Денис, добрый день! Классная идея, спасибо за предложение. Я, конечно, считаю себя самым неинтересным героем для такого проекта, но можем попробовать».

«Денис, здравствуйте! Рада знакомству! То, что Вы делаете, это очень интересно) Я готова встретиться».

Это первые реплики моих будущих героев, та самая завязка.

Вчера я планировал встречу с отцом Андреем. Он служит в храме Св. Антипы, что расположен в Колымажном переулке. Этот храм и само прихрамовое пространство с кафе, киноklubом, лекторием давно привлекает меня. Многие мои коллеги-актёры являются прихожанами этого храма, по их сторис у меня сложилось впечатление, что в этом месте комфортно, свободно, благоусто.

Постучался в Директ аккаунта храма, мне назначили время встречи с бабушкой. И вот наступила пятница, я у храма. Отец Андрей разговаривает с пожилым человеком. Они сидят за столиком в кафе при храме, я вижу их через прозрачное стекло. На часах — 12.15 — мое время (а мое ли оно?), здесь все по часам, как в «Сбербанке». Каждый будний день к отцу Андрею приходят люди. Его можно назвать публичным человеком в хорошем смысле этого слова.

До 2008 года отец Андрей служил актером в Театре-мастерской Петра Наумовича Фоменко. Также он работал режиссёром и музыкантом. У нас очень много общего, нам есть о чем поговорить. Я смотрю через стекло на священника и прихожанина, невольно думаю, о чем они так долго ведут разговор. Отец Андрей облокотился на стол, внедрился всем телом (душой) в собеседника. И старик так же тянется к нему, тянется своей проблемой, насущной, ноющей, тугой. И я вижу, как эта проблема медленно вытягивается из его тела, взгляд старика проясняется, что-то темное, безнадежное его покидает, взамен этому осторожно, бесшумно входит светлое, важное, входит так, что человек почувствует этот приход только тогда, когда выйдет из кафе и пойдёт туда, где жизнь. Наверное, это и есть Вера. Вернее, одно из ее воплощений. Я ведь не знаю, о чем этот старик просит. И не узнаю никогда. Это то, что остаётся только между священником и прихожанином. Это таинство. Вокруг сидят люди, пьют кофе, стучат по клавишам макбуков, делают свою работу и жизнь. Живут и не замечают, что рядом с ними вершится маленькое чудо помощи. Я мог бы войти в кафе и там в тепле ждать, когда отец Андрей закончит беседу, но я стоял на осеннем, ещё робком ветру, в окружении двух белых нахохленных голубок. Мне не было холодно, мои мысли были заняты другим. Потом я увидел, что к бабушке пришёл ещё один человек, мужчина средних лет. По его суетливым движениям рук (он постоянно хрустел пальцами), по воспалённому от недосыпа глазам я понял, что пропущу его вперёд, уступлю место, если можно так выразиться. У него безотлагательное дело, проблема, боль, которую надо вытягивать и как можно скорее. А что у меня?

Вопросы есть, но они ещё не до конца оформились, не созрели. Я понял это, стоя на улице рядом с голубями. В разговоре со священником нельзя растекаться мыслью по древу, надо быть конкретным, не отрицать у него драгоценное время, которое он может подарить другим. Да, конечно, он тебя выслушает, примет такого, какой ты есть, но где соль и суть проблемы? У меня в голове вертелись два полярных вопроса: один — об актерстве и уходе из него, второй — об особых детях, о том, как родителям продолжать жить и верить, получив известие, что у них особенный ребёнок, как не утратить эту веру, если она была, как не растерять. Почему Бог допускает все это? И зачем? Второй вопрос даже сейчас в тексте раскололся на десяток смежных вопросов, требую-

щих не одного часа и даже года, может, и жизни не хватит, чтобы на них ответить.

Первый вопрос об актерстве только с виду проще, на деле — нет. Мне важно было спросить отца Андрея, как избежать фальши и неискренности, если твоя жизнь связана с театром, вымыслом, неправдой по определению. Как жить, когда маски героев прикипают к тебе, ты меняешь их, отдираешь их от лица (снимаешь грим и образ), но они оставляют на тебе крошечные отметки, следы, которые накапливаются и формируются слой за слоем в другую маску, гибрид всего сыгранного. Потом в один момент ты устанешь освобождаться от масок и будешь наслаивать их одну на другую, не снимая. Потом твоя голова отяжелеет и накренится (в поклоне), потом ты уйдёшь. С пространства сцены и жизни.

Текст про особых людей — своеобразный документальный фильм, где нет вымышленных героев, обстоятельств. Эта история должна крепко стоять на ногах, иначе ничего не выйдет. Здесь нет автора, есть — свидетели, и я один из них. Я тоже должен быть стойким, не допускать ложного актёрского ощущения, когда пробуешь чужие монологи на язык, разыгрываешь их. Это профдеформация, театр крепко вошёл в мою кровь, он захватывает правду в сети. Это никак не отражается на моих героях, они продолжают быть честными перед собой, перед своими детьми и подопечными, этот процесс касается только меня. Важно определить цель, сверхзадачу того, что делаешь, тогда ты сможешь перейти из одного качества в другое. Это снова от театра, но это не связано с фальшью, если цель благотворна. Цель — «изменение формы» — научиться любить, думать о другом, забывая себя. Как отец Андрей, навалившись на стол, весь уйдя в собеседника. Даже здесь я смотрю театральным глазом. Эта мизансцена все никак не выйдет у меня из головы.

Я позвонил помощнице отца Андрея и попросил перенести нашу встречу. Мне нужно подумать. Этого я, конечно, не сказал помощнице. Сослался на репетицию, на то, что не успею доехать в театр на другом конце Москвы. Если бы мое дело было безотлагательным, важным, конкретным, я бы остался и все успел. И в храм бы зашёл, нашёл возможность остановиться. Пусть это будут всего три минуты. Но нет. Я снова бегу, от себя — к себе, к какой-то собственной правде, чистой, без примесей, к конкретике, мужеству, пониманию, что времени в сутках мало, и это исчезающее, крошащееся время надо наполнять смыслом.

Время для встречи придёт, но позже, в своё время.

Встречи важны так же, как и не-встречи.

Не-встреча с отцом Андреем переоформила меня.

Вопросы, которые я мечтал задать, отпали. Ушли из меня, вытянулись, а я даже и не заметил этого. Время для постановки новых вопросов и есть предчувствие будущей встречи.

Межглавный сон 3-й. ПРОСЬБА

Снится или видится, не все ли равно? Моя просьба к вам: не выбрасывайте этот сон, записанный бисерным почерком, на полях книги. Отдайте его в хорошие руки. Он очень личный и потому лишний.

*Духи желтых листьев,
без дома, без приюта, без места прописки,
вы были со мной в Екатеринбурге,
мною оставленном,
вы пугали меня-ребенка своими песнями жухлыми,
вы готовили меня к суровому московскому пмж.
Духи, миленькие, грешные,
вот и осень пришла в наш городок.
Мне не холодно, нет-нет,
мне тепло, я почти научился любить,
меня научили они,
и я понял и принял главное:
не заставляя себя любить того, кого не любил никогда.
Это важно понять.
Плохие люди не меняются,
они, как зубы, стираются,
как обувь, снашиваются.
Как же они несчастны,
все те, кто нелюбим (он) и мстит миру (мне) за эту нелюбовь.
Духи желтых листьев,*

вы помните мою квартиру в Екатеринбурге,
в этой квартире жили когда-то трое,
дед, бабушка и я.
К нам каждый день приходила мама,
она жила в соседнем подъезде.
Была любовь и быт, быт и мир.
Теперь в квартире осталась одна бабушка
(дед умер, я уехал, все самое важное взял с собой, в скобки),
и в дом теперь приходит ее сын.
Раньше он приходил в этот дом лишь по особым случаям
со стопкой и с беленькой,
выяснял отношения, показывал, что такое «афганский вариант» и «китайский чай-ник».

Что он пытался показать? — ни мне, ни деду, ни бабушке не было интересно.
Теперь он — хозяин дома, наследник, первое лицо,
при еще живой матери наводит порядки, расчищает территорию, рубит, как Лопухин, вишневым сад.

Сегодня он написал моей маме, своей бывшей давным-давно жене, чтобы она потихоньку выносила из квартиры мои вещи,
а их много: книги, одежда, компьютерный стол, книги, снова книги, одежда.

Мои вещи напоминают ему обо мне,
о той пустоте и той нелюбви, которые лежат, как валуны, между нами.

Я давно уехал из этого дома, меня там нет,
как нет и деда.

Духи желтых листьев, как он там? Вы на связи?

Можно ли абортить мой дух из квартиры,
выскрести то, чего давно там нет.

«Чтобы маме дышалось свободнее», — говорит он голосом Лопухина.

Соседи шепчутся, что бабушку ждет дом престарелых,
а квартиру — ремонт и продажа.

Сын (он) не любит маму = мама не любит сына.

Сын (я) не любит папу = папа не любит сына.

Так бывает, и я говорю все это с легким сердцем.

Когда владеешь этим знанием, легче.

Когда владеешь этим знанием, не будешь мстить.

Когда владеешь этим знанием, останешься человеком даже тогда, когда хочешь упасть ниже плинтуса, не сможешь

ниже плинтуса в той квартире, где случилось мое детство,
из которой я забрал его сюда, в Москву, укутав одеждой, чтобы оно, не дай Бог, не разбилось.

Духи желтых листьев,
родные, милые, грешные, жухлые,
чего вы только не видели в этой жизни,
защитите старость и немощь,
накажите подлость и пустоту,
не дайте надругаться над нашим детством,
ведь вы же помните его, так же хорошо, как и я,
выдуйте из дома лишнее (-го),
покажите ему, что такое любовь.

Я пишу книгу об особых людях.

Мой синтезатор, на котором я записывал первые песни, покупают на «Авито». Купила семья, только приехавшая с севера в Екатеринбург. Дочка купивших поступила в музучилище. В хорошие, беглые руки.

Я пишу книгу об особых людях.

Мой компьютерный стол выносят, предварительно разобрав на части, отдают в офис. Мой компьютер берет моя тетя-программист, чистит его нутро от лишнего, дает ему новую жизнь.

Я пишу книгу об особых людях.

Мою одежду отдают семье погорельцев. Мальчик идет в моей рубашке на линейку, посвященную Дню знаний. Мои ботинки стоят рядком на дворовой помойке. Они все хорошие, вот только правый ботинок заваливается на сторону, будет слегка неудобно тем, кто будет его носить. Мои книги, первая школьная библиотека, где много нечитанного, ждущего своего часа, приедет в Москву. На перекладных. Пока же сидит на че-

моданах.

Я пишу книгу об особых людях.
Собаки лают, караван идёт.

*Духи желтых листьев тоже в пути.
Сейчас наступает самое лучшее время
показать, как больно бьёт любовь, наотмашь.
Мои беззаветные герои,
вся наша жизнь и есть борьба.
«За что?»
«За любовь».*

Глава 8. ПРОСТЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Карине Островской 24 года. Она самый молодой герой «Изменения формы». Мы нашли её через Инстаграм. Моя знакомая-хореограф разместила у себя на странице пост о поиске педагога по танцу в школу инклюзивного развития «Танцующий дом». Перейдя по ссылке, я увидел одну сторис, которая остановила мое внимание. На видео подросток с синдромом Дауна танцевал какой-то свой волнообразный, неповторимый танец. Это явно была импровизация. Парень закрыл глаза и растворился в танце, соединяя знакомые элементы в свой рисунок. Этот танцующий парень — один из учеников Карины. Это она открывает для него и для таких же ребят мир танца. Ей и слово:

«В школе я училась очень плохо. Поступать в вуз даже не планировала. Помню, что всегда танцевала, что училась — не помню. (Смеётся). С четырёх лет меня отдали в танцевальный кружок. Я ненавидела туда ходить, забывала форму в садике специально, но бабушка всегда раскусывала меня и шла забирать форму, и мы шли на занятия. С седьмого класса я начала увлекаться хип-хопом. Пришла на первый пробный урок. До этого у меня было скептическое мнение, ну какой может быть в Твери хип-хоп. В то время как раз вышел легендарный фильм «Шаг вперёд». Он сразу стал одним из любимых моих фильмов. И вот я пришла на пробное занятие и пропала. С тех пор каждый день проводила в танцевальном зале. Училась в школе со второй смены, утром была на тренировке, прогуливала первые уроки, весь остальной мир для меня не существовал. Только танец. Стала ездить с тренерами в Москву на хип-хоп батлы каждые выходные. Я уже тогда читала много книг по психологии, смотрела фильмы, сериалы и всегда любила разгадывать психологические загадки, почему герой поступает именно так, а не иначе. ЕГЭ я сдала плохо, завалила математику, по обществу и русскому были тоже низкие баллы. С такими результатами я никуда не могла бы поступить.

В то время я грезилась идеей переехать в Питер. Лето после выпуска провела в танцевальном лагере. Там я познакомилась с ребятами из Питера. Они сказали мне, как у них клёво, пригоняй к нам, сначала на время, а потом уже определишься. Еду из лагеря в плацкарте и понимаю, что уеду. Уеду в Питер. Дома говорю маме. Она в шоке. Как ты одна, девочка, в Питере. Такая маленькая, тебя же там... и так далее. Тогда в конце августа все вузы уже набрали студентов, вариантов особо не было, но мама нашла объявление в интернете, что набирает Русская христианская гуманитарная академия, куда я и поступила вскоре на психолога.

В Питере бывали трудные периоды, эмоциональные ямы. Я стала ходить к психологу. Если человек мечтает о собственной психологической практике, он должен прежде всего разобраться в себе, вскрыть проблемы, болевые точки. Мне помог в этом личный психолог. Чтобы как-то прокормиться, я устроилась в несколько танцевальных студий. Это был новый опыт для меня: взаимодействие с детьми, с их родителями, с директорами студий. Я постоянно зависела от количества приходящих на урок. Если пришло десять человек на занятие — хорошо, ты получишь нормальную ставку с надбавкой, если пришло только трое — ты получишь копейки.

Чтобы не сломаться, я шла тренироваться, участвовала в батлах. Существует такой стереотип, что батлы — это концентрация агрессии, конкуренции. Нет. Там очень много поддержки, от тех, кто смотрит, и даже от того, кто танцует против тебя. Танцевальное комьюнити очень тесное, мы все стараемся поддерживать друг друга, из разных городов протягиваем друг другу руки. Участие в батлах — это кайф, выплеск адреналина. Теперь я понимаю, что во время подросткового периода мне помог именно адреналин. Кого-то он сковывает, закрывает, делает агрессивным, мне он помогал искать свою идентичность, работал на меня.

После Питера я переехала в Москву. Поступила в магистратуру, нужно было найти жильё (общежитие), обрести социальные гарантии. Магистратура РГГУ все это давала.

Был огромный конкурс и сорок вопросов для сдачи вступительного экзамена. Я понимала, что не знаю ничего, что просто не выведу. Направление «Психология-педагогика ОВЗ» (ОВЗ — ограниченные возможности здоровья) не пользовалось большим спросом, но все равно все бюджетные места туда были забиты. Сдав экзамены, я увидела список со своей фамилией. Я была одной из последних в рейтинге. Но каким-то чудом люди отпали, выбрали другие места для обучения и освободили для меня местечко. Я поступила. Да, признаюсь, я мечтала о научной карьере, о степени, о преподавании в университете. Я многого ожидала от магистратуры, но в итоге разочаровалась. Все то, что я узнала за эти два года, я могла изучить сама за два месяца. Я понимала, что надо что-то делать, переходить на новый уровень, соединяла в голове возможность частной психологической практики с телесной терапией, которой я в то время плотно увлекалась. Через танец освобождать человека от психологических и физических зажимов. У меня был на тот момент уже большой опыт работы с детьми.

Все банально. Я искала работу и увидела вакансию от Психолого-педагогического центра «Ключи». Центр искал воспитателя. Я понимала, что воспитателем быть не хочу, но могу предложить занятия танцами. И меня взяли педагогом по танцам. В это же время в моей жизни возник и «Танцующий дом». Я посмотрела на сайте, что в Доме до этого преподавали только обычную хореографию, хип-хопа не было. Написала директору и создателю «Танцующего дома» Сергею Фурсову. Ему идея с хип-хопом пришла по душе. И он взял меня на работу. Но тут случилась пандемия. И все остановилось. Когда карантинный морок рассеялся, мне снова позвонили из «Танцующего дома» и пригласили провести пробное занятие.

Я помню эту первую встречу с ребятами. Тряслись коленки, я честно не понимала, что с ними делать. Тот план, который я наметила у себя в голове, оказался несостоятельным. Ребята не могли повторить простые движения, многие не понимали, где у них находится голова, ноги, руки. Я искала педагогические пути по ходу занятия, отталкиваясь от возможностей и развития каждого ученика. Мы трогали голову, плечи, ручки. Это оказалось непросто. Научиться просто себя трогать. Ребята узнавали своё тело, привывали к нему, налаживали контакт с собой. Ведь если тыстроишь своё тело, ты будешь готов к соностройке с другим. Телесные практики дают возможности чувствования процессов внутри себя. Например, я могу услышать не только стук своего сердца, но и ощутить, как течёт кровь по венам, уловить волновые движения, вибрации.

В «Ключах» у меня детки с умственной отсталостью, аутисты, ребята с ДЦП и ЗПР. Мы также с ними учимся трогать себя, делаем упражнения с мячиками на расслабление. Каждый ребёнок работает в своём, личном темпе. Я к этому отношусь спокойно и не требую сверхрезультатов. Для кого-то результат просто прийти на занятие и досидеть его до конца. В «Танцующем доме» в основном дети с синдромом Дауна. В моей группе подростки с 10 до 17 лет. Мальчика, которого ты увидел в сторис, зовут Дима. Он обожает танцы. Педагоги других групп шутят, что Дима нигде так хорошо не занимается, как на танцах. Ученики, особенно мальчики, наверно, влюбляются в меня. Я выгляжу, как их ровесница. Они видят во мне родственную душу.

Как же они любят сцену, ощущение концентрации внимания на себе. В «Ключах» у меня есть мальчик, который перед каждым танцем говорит всем: «Я звезда!» — и кланяется. В конце каждого урока я включаю ребятам музыку и предлагаю поимпровизировать. Кто-то повторяет заученные движения, кто-то пребывает в потоке, закрывает глаза, растворяется в танце, сочиняет свою пластическую историю, кто-то, наоборот, ждёт внимания и хочет, чтобы только на него смотрели и только ему хлопали. Кто-то танцует только в паре со мной, в одиночку просто отказывается, стоит, не двигаясь.

Я работаю с особенными детьми только год. Я в самом начале пути, но уже сейчас могу с уверенностью сказать, что работа с ними дала мне внутреннее спокойствие, поддержку, правильное восприятие жизни. Я перестала драматизировать и раздувать события собственной жизни. Теперь я не гонюсь за трендами. Я нашла своё и просто радуюсь любому микро-движению вперёд в жизни своих учеников. Представляете, ребёнок не мог сделать и шага, и вот он его делает. Пусть через год, через два, но он идёт. Это так много и важно. Этот принцип я пытаюсь переносить и в свою жизнь.

Исполнилась моя детская мечта. Теперь я частный психолог, у меня своя личная практика. Мои клиенты часто не видят своих изменений. А я вижу. Они небольшие, но архиважные. Одна женщина так потерялась в себе, надолго зависнув в эмоциональном раздразе, что даже время от времени могла ударить себя. Теперь она гладит свои руки в разговоре со мной и не замечает этого. Она полюбила и приняла свое тело, а значит, себя. Точнее, сделала первый шаг к этому. Да, это микро-событие, но оно — отправная точка для будущего Преображения.

Сейчас многие проходят разные курсы, скачут от одного направления к другому, но так и не понимают, чего они хотят на самом деле. Они не могут ответить на вопрос: кто

они? Мы стали тревожны, депрессивны и суетны. Пандемия вскрыла наши триггеры. У многих моих клиентов я наблюдаю аллергию на усилие. Человек не хочет напрягаться, бежит от долгой, постепенной работы, шаг за шагом, на пути к успеху. Успех достигается долгим усилием в одном направлении. Я часто повторяю фразу себе и своим клиентам: «Свободен тот, кто может ограничить свою свободу для большей свободы».

Не падай низко, не взлетай вверх, будь наравне со всеми, совершай простые движения в гармонии с собой и своим телом, увидь и почувствуй человека, идущего рядом с тобой, прими его таким, какой он есть. Не жди от него чудес и выгоды, он сам и есть чудо и клад. Я только в самом начале пути.

Сейчас я говорю с тобой, это мое первое интервью, у меня внутри такое... такое... Даже не знаю, как сказать».

P.S. А нужно ли говорить? Может быть, сейчас нужно закрыть глаза и раствориться в танце, как Дима из сторис, благодаря которому мы с Кариной познакомились.

Мы говорим, а Дима танцует.

Мы замолкаем, а Дима танцует.

Мы снова говорим и не замолкаем.

А Дима танцует.

Будем как Дима.

Надо и тексту когда-то давать свободу движения, пусть сегодня танцуют все.

Глава 9. ЗУРАБ. В ПОИСКАХ СЦЕНЫ

На странице писательницы Евгении Некрасовой я увидел такой пост-репост:

«Меня зовут Зураб Харайшвили. Билет на долгосрочную экскурсию в эту яркую, тернистую, с различными событиями, похожими на кадры киноленты, жизнь я получил от Бога 24 октября 1995 года. Родился я с диагнозом ДЦП (спастическая диплегия/ 2-я группа инвалидности). С детства часто был в реабилитационных центрах и приходилось довольствоваться общением с психологами и инструкторами ЛФК. Большую часть времени в реабилитациях я читал книги и смотрел кино. Василий Макарович Шукшин, Владимир Семёнович Высоцкий, Андрей Юрьевич Ткачёв, Леонид Иовович Гайдай, Георгий Николаевич Данелия, Эльдар Александрович Рязанов — те, кого я могу назвать в качестве своих собеседников на тот период. В 2007 году посмотрел культовый фильм «Брат». В этом фильме мне понравился главный герой. Я твёрдо решил, что стану актёром.

Первый конкурс в моей творческой жизни — фестиваль-конкурс-2013 «Дети читают русскую классику». Жюри возглавлял заслуженный артист РСФСР Александр Ушаков. Декламировал монолог Арбенина из драмы «Маскарад». Это произведение привлекло меня своим главным героем Арбениным — он умен, обаятелен, радикален во взглядах. История заканчивается трагично, но этим она и прекрасна: жизнь не заканчивается титрами со счастливым концом. Это произведение Лермонтова настолько жизненно, что кажется порой, что не про девятнадцатый, а про двадцать первый век написал Михаил Юрьевич Лермонтов. В 2014 году я вновь испытал свои силы в этом конкурсе — на этот раз была военная тематика. Сказать по правде, эти образы мне не близки. Любовная лирика и философские размышления — тут и раскрывается мой герой. Эмоции, жесты, переживания — в этих ролях я прекрасно понимаю, как лучше построить внутренний мир персонажа, слиться с ним, добавить свои краски. Но после долгих раздумий я остановил свой выбор на отрывке из поэмы Егора Исаева «Суд Памяти». В 2015 году читал отрывок из поэмы «Граф Нулин» Александра Сергеевича Пушкина. Становился трижды дипломантом.

После школы были попытки поступить в театральные заведения. Но ДЦП отталкивало: «Ты талантливая личность, но мы не знаем, как тебя использовать в дальнейшем. У нас неразвита культура принятия людей со всем многообразием особенностей».

Для меня вся жизнь на данном этапе — является экспериментом. Проверкой — кто я? Какой я? Где предел моих возможностей, о которых так много говорят? Чем они вдруг ограничены?

Я понимаю сейчас, что на самом деле мои физические возможности не ограничены ничем. Все проблемы — они в голове. Просто стоит звучать, не бояться себя показать миру. Созвучное срезонирует. Проявит себя. Будет отклик. Понимание, что не зря.

Ищу театральную студию и наставника. Выбираю пробовать. Готов к любому исходу. Если мне будет больно, найду в себе силы подняться».

Я постучался Зурабу в личку, рассказал о себе, о будущей книге. Мы созвонились и проболтали по душам полтора часа, как давно знакомые друзья-приятели. Речь Зураба

беглая, наполненная юмором, парадоксальными сравнениями. Порой я сам не поспевал за ходом его мыслей. Ему нужно было выговориться, он давно ждал этой возможности. Во время разговора я что-то фиксировал в блокнот. После беседы Зураб начал присылать мне небольшие фрагменты текстов о себе, и я подумал, что эту главу мы должны написать с ним в соавторстве. Зураб — человек, работающий с текстами, журналист по образованию. Все то, что утекает в разговоре, текст впитывает и аккумулирует в себе, не даёт ускользнуть главному. Тем более написанный от первого лица, этот текст — и есть автопортрет. Как есть, без купюр и правок.

«Когда я понял, что родился с ДЦП? Как и говорил, ребята во дворе не принимали играть, называли хромоножкой, циклопом. Демонстративно крестились, если подходил к ним на площадку, — раз даже бросили в лицо: «Уйди, нечистый! Юродивый». Пробовал приходить с игрушками, чтобы был взнос для входа в их круг, но они злились и гнали меня вон даже с игрушками. Потом у нас на этаже кто-то написал чёрным маркером: «Зураб — инвалидный мутант». По соседству с надписью: «Деца — лох». Мне тогда было пять лет, читать не умел ещё нормально, и эту надпись про мутанта заметила мама.

Призывать ребят к ответу было гнилым делом. Сначала все пошли в отказ, а потом сказали, что их моё состояние бесит и что мне лучше сидеть в песочнице. После уже выходили гулять с мамой, когда ребят не было на площадке детской, — мне хотелось на качели, карусель, горку, а это было реально, если там никого не было. Мама даже с несколькими взрослыми поругалась по причине того, что пристыдила ребят за презрительное ко мне отношение. Те пожаловались, у их родителей не было больных детей, таких как я, и круг замкнулся.

В пять лет лёг на госпитализацию в Научно-практический центр детской психоневрологии (на Мичуринском проспекте). Там часто брали кровь, делали уколы в мышцы ног, чтобы убрать спастичность, ставили иголки на всё тело. Это приносило боль и тоже заставляло задуматься, что моё физическое состояние не такое, как у ребят со двора. Хорошо переносимой была только процедура грязелечения. По ощущениям как массаж. И потом укутывание в разные ткани. Видимо, ноги уставали от иголок и ждали безопасности. Спрашивал у мамы по вечерам: «Когда пойдём грязью пачкаться?» А в 2001-м году мне там сделали операцию на тазобедренных суставах. Два месяца в гипсе — ноги на распорках (между гипсами была длинная деревянная палка), потом год учился в прямом смысле заново ходить.

В 2003-м году пошёл в школу №3 им. Лермонтова (город Истра). Учительница не стала подготавливать ребят, и они изгалялись на полную — когда приходил в класс после перемены, то видел, что мои вещи разбросаны по всем углам класса. Меня сразу «наградили» новым именем — Черепаха. Дразнили всем классом и, как мне кажется, с большим наслаждением, понимая, что я один, а их двадцать. И у них линейки с острыми карандашами в руках, которые они поднимали каждый раз, когда я пытался постоять за себя. Тут ещё и проблемы с математикой начались — учительницу злило, что приходилось по три раза объяснять задачи из-за меня. Орала, как Никита Джигурда. Было страшно ходить в школу. Очень.

Но травля была не только со стороны одноклассников. Глумилась и классная руководительница (несмотря на возраст в 70 лет), вызывая меня к доске и унижая при всем классе. С тех пор я не разбираюсь в математике совсем и не люблю её. Я не понимал, откуда столько зла в одноклассниках и уж тем более в учителе. Но сейчас понимаю. Буллинг раньше не осуждали, не знали такого слова и существовали по закону «либо ты, либо тебя», с удовольствием свои проблемы, страхи вымещая на других, не таких, как ты. Я рад, что сейчас о таких темах можно говорить публично, что можно сказать: «Не бойся, одноклассники не решают за тебя и не определяют твоё будущее».

В 2005-м перенёс операцию аппаратом Илизарова. Как бы сейчас сказали — «повелись на рекламу». Хотели пятку опустить на левой ноге, но вместо этого ногу удлиннили. Страшные воспоминания — отход после наркоза (укол в позвоночник) и то, как снимали аппарат, не дождавшись, пока наркоз подействует. Снимали способом, который пытку напоминает, срезали кусачками.

После операции я вернулся в другой класс. Операция, потом хождение в аппарате Илизарова два месяца, мучительное его снятие, разработка — заняли целый год. Наступил 2006-й. Мне было тяжело. Находился на домашнем обучении.

После смерти мамы (проблемы с сердцем, два инсульта) в 2008-м году отец перевёл меня в «Комплексный реабилитационно-образовательный центр». Отец работал в Москве на стройке, водить меня в школу каждый день не мог, забирал меня из центра на выходные. Программа была обычная, но в классе было всего по 5-6 человек, и каждому ученику могли уделить больше внимания. Там впервые вышел на сцену. Отучился 12

классов по растянутой программе. Потом поступил в МГГЭУ на факультет журналистики. Там все было оборудовано для инвалидов. В первый год обучения мне было реально интересно, а потом уже нет. Были проблемы с иностранным языком. Педагог срывалась, говорила мне: «Если ни черта не понимаешь, зачем здесь учишься?»

После окончания МГГЭУ были попытки идти в театральные заведения — Школу драмы Германа Петровича Сидакова, в актёрскую школу Олега Николаевича Анищенко под названием «НОМО LUDENS» на курс «Режиссура жизни», но из-за второй группы инвалидности получил отказы. Мне видится это так: преподаватели просто не были уверены в реакции группы на участника с двигательными особенностями. Современное общество всё ещё неоднозначно и спорно относится к присутствию в нем людей с физиологическими особенностями. До середины 90-х годов в обществе редко можно было встретить инвалидов детства, про них особо и не говорили, так как в СССР эта тема была под строжайшим запретом. Кроме того, у отдельных преподавателей мог быть неудачный опыт, и они просто не желают его повторения.

В этом году судьба подарила мне поездку в инклюзивный театральный лагерь, организованный РООИ «Перспектива». Подарком там были интересные, наполненные актёрским мастерством занятия у актрисы Анны Солодянниковой. До встречи с Анной мне было одиноко и грустно. Ощущение жизни замедлилось. Неделя — вечность. Казалось, что это всё не со мной, как в тумане. Благодаря индивидуальному подходу к каждому участнику нашей группы, вниманию, которое Анна Солодянникова уделяла, благодаря упражнениям, у меня изменилось отношение к себе. Это ценный опыт, во время которого шаг за шагом ощущаешь счастье от того, что ты у себя есть. После актёрских тренингов я более трезво оцениваю проблемные ситуации, легче выхожу из тоски, радуюсь простым вещам — солнцу, которое могу видеть, еде, которую могу понюхать и съесть, шагам, которые могу сделать. Как говорится: «Не жалуйся на судьбу — может, ей тоже не очень повезло с тобой». Настрой свой угол зрения так, чтобы воспринимать каждый день своей жизни положительно.

Моя мечта — найти наставника по актёрскому мастерству, собрата по делу. Мне многие говорили: «Тебе двадцать пять лет, быть актером уже поздно». Да, я — не молодая глина, из которой можно лепить что угодно, я сформированный человек, к которому, как и ко всем, нужен особый подход».

P.S. Да, многое в нашем разговоре осталось за скобками. Я не стал здесь писать о каких-то личных вещах, которые касаются только двоих. Совсем скоро я начну занятия в собственной театральной студии. Я решил вернуться к преподаванию, но в этот раз моими студийцами будут взрослые люди, не имеющие профессионального театрального образования. На протяжении десяти занятий мы будем работать над двумя текстами поэтессы и писательницы Оксаны Васякиной — рассказ «Мать сказала, что завтра возьмёт меня на завод» и поэма «Когда мы жили в Сибири». В текстах Оксаны нет театральной аффектации, драматизации, есть фиксация опыта, выверенная, сконцентрированная, хирургически точная. Ее тексты ровные по мелодии, наполненные тончайшей детализацией запахов, ощущений, звуков, поворотов головы. В них преобладает спокойный темп искренней, честной речи. Оксана не боится писать о страшных вещах, не боится задавать острые вопросы. Моя задача, как режиссёра-педагога, создать точную среду для двух текстов, не допустить театрализации в плохом смысле этого слова, показать в первую очередь текст и актеров внутри текста, проследить за изменениями, которые возникают при соприкосновении человека и чужого зафиксированного опыта. Будет или слияние этих двух компонентов, или, наоборот, возникнет отталкивание, что тоже ценно и хорошо.

И я, конечно, думаю-думаю о Зурабе. У меня не было опыта работы с особыми людьми, я никогда не занимался инклюзивным театром. Но что-то меня ведёт, что-то подкашивает, дает надежду, что мы можем быть полезны друг другу.

В самом начале рассказа Оксаны Васякиной «Мать сказала, что завтра возьмёт меня на завод» (который, кстати, очень понравился Зурабу, и это он натолкнул меня на мысль, которую я озвучу ниже) есть такие строчки:

«Своего телефона у нас пока не было. Мама встала в очередь на установку пару лет назад, а баб Маша, как труженица тыла, первая получила телефон. Дверь в ее квартиру всегда была приоткрыта. Весь подъезд ходил к ней звонить: участковому врачу, в собес и сменщикам. За это весь подъезд помогал баб Маше ухаживать за ее парализованным сыном дядь Витей. Дядь Витя даже в лежачем состоянии умудрялся курить. Мама тайком носила ему папиросы, а баб Маше помогала переворачивать дядь Витю, когда та его мыла. Дядь Витя не всегда был таким, парализовало его потому, что он по пьянке подрался с мужиками, те ему все поотбивали и забросили в сутроб. Нашли его под утро с отмороженными ногами и раздробленным позвоночником. Странно, сказала мама,

что он вообще остался жив. Морозы тогда стояли под сорок, он так почти всю ночь пролежал в снегу. Мама помнила дядь Витю еще ходячим. Дядь Витя пил всегда, и его судьба никого не удивляла, не удивляло никого и то, что баб Маша очень быстро смирилась с тем, что он лежачий, и начала ему потакать. Мама сказала, что это она его загубила. Врачиха на участке все спрашивала у нее про дядь Витю и, услышав, что он лежит, со вздохом говорила, что баб Маша его разбаловала. Дядь Витя не делал никаких упражнений для восстановления ног и только лежал, смотрел телевизор, курил и гонял баб Машу. Он полежал, полежал и умер. Я из-за угла дома подсматривала за тем, как всем двором его провожали. В пышном убранстве из пластиковых цветов он лежал серый и скомканный, как пакля. Потом его медленно везли на кладбище, а вслед бросали темные пихтовые лапы. После его смерти все выдохнули, и мама сказала, что баб Маша теперь заживет».

Это Зураб напомнил мне, что в тексте есть такой эпизодический персонаж и что он был бы рад попробовать воплотить его на сцене. Дядя Витя — «балабановский» герой, персонаж из близкой Зурабу эстетики.

На первом сборе театральной студии я расскажу участникам о возможности такой инклюзии. Если мои будущие ученики поддержат меня в этом творческом эксперименте, Зураб вольётся в наши ряды и сыграет дядю Витю (чуть не написал — дядю Ваню, что тоже может быть). Если же нет... Я все равно что-нибудь придумаю.

Нет — мы что-нибудь придумаем. Мы уже на связи.

Глава 10. Я В ДОМИКЕ

Эти длинные стихи, кажущиеся временами прозой, я посвящаю Свято-Софийскому социальному дому. Те, кто там работают, называют его просто Домиком. Я благодарен Ирине, третьей героине главы «Три портрета», за возможность быть внутри, хотя мы большее время были снаружи. Потому что мы гуляли, но прежде:

Ирина встретила меня у ворот.

Показала придомиковое пространство с детской площадкой, с насаждениями, цветами, которые ещё держатся, не поддаются осенней хмари.

Потом мы вошли в Домик.

Я переобулся, надел зелёные тапочки, снял с себя куртку, повесил ее на крючок, на котором уже висела чья-то куртка.

Я очень волновался, как я буду там на втором этаже, куда мы скоро поднимемся.

Мне нужно было вымыть руки, я пришёл с улицы. Ещё утром я был в поезде, возвращаясь с гастролей, мне нужно продезинфицировать руки, посмотреть на себя волнующегося в зеркало. Как перед спектаклем увидеть и снять волнение, оставить его в отражении,

Мою руки в специальной ванной комнате,

где широко-удобно-комфортно.

Нет острых углов. Пространство обито мягким, чтобы не дай Бог ничего.

Вымыв руки, прохожу в столовую, сажусь за большой стол, пью кофе, который мне приготовила Ирина.

Спасибо, без сахара.

Но прежде меня встречает Даня.

С меня ростом, худой, берет меня за руку, крепко так берет, второй рукой бьет себя по виску. Сильно. Больно ему и мне, берушему часть боли на себя. Рядом с ним всегда сопровождающий. Лена. Они давно вместе, проросли друг в друга, так что стали даже чем-то похожи между собой.

Даня крепко меня держит.

Мое тело в зажиме, плохо мне подчиняется.

Я иду за ним, куда-то, зачем-то, за Даней.

Он только мычит и ведёт меня к двери, туда, откуда мы недавно пришли с Ириной.

Там лифт и спуск вниз, на первый.

Даня всех незнакомых ведёт к двери на выход, на воздух, не потому, что он хочет, чтобы незнакомец поскорее ушёл.

Даня любит гулять и приглашает меня, всех на природу.

У Дани синдром кошачьего крика (синдром Лежена), но сейчас это неважно.

Это все можно заглушить и увидеть, разобраться в клинике, но это дело не первой важности. Я сделал это, уже выйдя с территории Домика.

Важно то, что Даня меня куда-то ведёт.

Важно то, что Лена успевает перехватить его сильную руку и увести в другую комнату. В другой комнате Даня берет в руки разговаривающего, плюшевого Лунтика

и забывает обо мне и о том пути, который он мне только что предлагал.

Я пришёл в Домик в тот момент, когда все собирались на прогулку.

Дети и взрослые, сопровождающие и ведомые.

Зимой подготовка к улице — процесс долгий, сейчас — все проще. Сегодня тепло. Говорят, последний почти летний день.

Я возвращаюсь в столовую, пью кофе, отхожу от первого прикосновения. Смотрю из открытой двери, как ребят собирают на прогулку. Слышу прерывистую ноту фа. Смыкание связок, юношеских, баритоновых. Снова — фа. У меня абсолютный слух, и, судя по всему, у того, кто смыкает звук, тоже. Это Федя. О нем я уже писал в «Трёх портретах». Прочтите этот длинный нестих и вернитесь к той главе, отмотайте назад. В книге это возможно.

Я тоже вернусь туда, когда допишу этот текст.

Федя не видит. Теперь я вижу это своими глазами. Ему двадцать. Теперь я тоже это вижу по редкой щетине и тонким усикам. Федя любит петь. Ирина поёт антоновскую «Мечту», и он тут же повторяет мелодию. И рефреном между вставляет тему джунгла «Радио-о-о-о-осе-е-емь». Вы наверняка помните эту тему. Я, оказывается, помню. Федя напомнил.

Я спел для Феде и других ребят песню про лето из спектакля, который я сейчас ставлю. После первого прослушивания Федя уже знал мелодию. А она непростая, витиеватая. Федя пел ее фрагменты, улыбался, и мне казалось, что он видит меня. Нет. Не меня, мой голос, ту мелодическую нить, которая плетётся-лётся из меня. Одна из девочек заплакала и громко закричала. Ирина сказала, что она очень чувствительна к звукам, даже самым тихим.

Сопровождающий Игорь отвёз ее обратно в Домик.

А слёзы на черепице остались.

Здесь все рядом. И песня, и слёзы, и счастье.

Потом из Домика выехала Катюша, вместе со своим сопровождающим.

Она в группе «Шустриков», они выезжают из Домика на занятия в спецшколе.

Ирина сказала, что Катя очень любит читать стихи.

«Катя, прочти!»

И Катя, ничуть не стесняясь, прочла монолог Катерины. Тот самый. Читала хорошо, не раскрашивая слова, плотно, сдержанно. Она, кажется, знает все про себя и про свою тезку. Они не взлетят. У одной — коляска, у другой — край и Волга. Почему люди не летают так, как птицы? Я советую Кате вложить подтекст в слово «летает».

Летает — знак равенства — любит.

Она действительно хорошо прочитала, и с ней можно и нужно говорить не только о тексте, но и о том, что скрывается за ним. К Кате приходит педагог, и они занимаются игрой на фортепиано. Ирина поставила с Катей восточный танец рук и глаз. Моя педагог по танцу тоже всегда мне говорила: «Переводи акцент на глаза, это тебя спасёт». Глаза — это все, это главное.

Скоро этот длинный нестих кончится, скоро кончится и эта странная книжка. Она уже давно живет своей жизнью, дышит, как хочет, встречается того, кого хочет встретить, не отпускает от себя тех, кого встретила однажды случайно, поёт им песни, смыкает и размыкает связи.

Я смотрю в хитрые, острые глазки Кати, я вижу в них предчувствие нашей будущей встречи. Ведь скоро я вновь приеду в Домик, но уже с концертом. Сяду за фортепиано и буду петь, петь, петь. Для тех, кто любит громкие и не очень звуки.

Я смотрю в мутные глаза Феде, я верю, что он видит что-то большее, видит то, что я не увижу никогда. Как он красив. Федя, теперь нота фа, которую ты так любишь, навсегда будет связана с тобой, сколько бы лет ни прошло.

Как они все красивы, жители домика. Те, кто в колясках, те, кто на самокате, кто на специальной машинке для перевозки, те, кто держит за руку, кто держится, кто говорит с тем, кто не понимает тебя на нашем, первом, житейском уровне, но понимает на другом. Как дорасти до этого понимания?

Вокруг Домика на коляске наматывает круги Ульяна. Красивая девчонка с длинной косой, лет десяти. Поворачивает коляску, умело паркуется. Опытный водитель. Здоровая, бодрая на вид. «Что с ней?» — спрашиваю Ирину. «Ульяна — дочка нашей сотрудницы, здесь с 4 лет, просто балуется».

Потом Ульяна берет коляску, в которой сидит другой Даня (с синдромом Дауна, ДЦП), и катит его, все сама, сама, катит вокруг Домика, с почти летним ветерком, смехом. С четырёх лет она уже все знает о жизни. Хорошо, почти все. Круг за кругом, вокруг Домика. Ульяна хочет быть врачом, что ещё тут сказать.

Завтра начнётся новый сезон в театре. Поворотный, непредсказуемый, честный сезон. Говорю все это, стоя на берегу, не Волги, конечно, нет. На своём берегу. Я очень изменился за это лето. И внешне, и внутренне, и формой, и содержанием. Изменился, но не изменил себе. Хотя мог, не единожды. Что-то удержало, спасло, в последний момент остановило. Сколько в человеке может уместиться дурного, низкого, мы знаем и очень боимся этого знания. А сколько может уместиться любви? Ведь даже порой не догадываемся. Стенки грудной клетки разъезжаются, с горячей, тёплой болью туда попадает Домик со всеми его обитателями, имён которых я ещё не выучил. Выучу.

Да, это не Дом. Это Домик. А точнее, его филиал, живущий во мне до новой встречи. Да, это нестих. И это неважно.

Межглавный сон 4-й. КРАСИВАЯ БАБОЧКА

Этот сон переиначит книгу, которая ещё в пути.

Этим сном я отверну от себя потенциальных издателей.

Но я знаю, что книга сама проторит себе путь.

Она — странная, нескладная, особенная, кричащая невпопад о вещах, о которых не принято даже говорить.

И потому она дорога моему сердцу.

Она — мои плоть, кровь, смех и боль.

Я — родитель книги, ее зачинатель, ее вскармливатель, ее комбо — отца, матери, бабушек, дедушек со всех линий-сторон-перекрёстков — гремучая смесь в одном флаконе.

Место действия сна — мой первый дом, квартира, из которой уже вынесли мои первые вещи.

Предметы сна.

Стол, стоящий посреди опустелой комнаты.

Стол — всему голова.

Стол — ладонь Божья.

На ладони этой лежит ребёнок, укутанный, заморщинистый, как куколка бабочки спелёнутый, спящий, но вот-вот, вот-вот, со дня на день, куколка изменит форму, совершит переход, трансформацию и превратится.

Пустая комната — стол — ребёнок.

Чей? Чей? Мой.

Как я понимаю все это?

Просто. По пятну на кофте. Оно расходится по краям. Становится больше и мокрее.

Из правой, почему-то только из правой груди моей сочится молоко.

Поднимаю кофту, вижу белые капли на бледной коже.

А грудь моя, стандартная, мужская, не больше, не меньше, как была, и есть.

Только с молоком, только в мурашках испуга.

Как это, как? Неужели я сам? Все сам?

Куколка спит, не шелохнётся.

Молоко из соски в куколку скоро прольётся.

Это все противоестественно.

Не то,

что в моей груди молоко.

Не то,

что я — один с ребенком в пустой комнате моего первого дома.

Не то,

что я собираюсь дождаться момента, когда куколка, наконец, проснётся, заплачет и я дам ей/ему свою правую мужскую грудь.

Противоестественно то, что я один.

В пустой комнате моего первого дома.

Где второй человек? Где мой партнер?

Это противоестественно — быть-жить-воспитывать ребёнка одному родителю.

Я ведь даже не знаю, мальчик моя куколка или девочка.

Я ведь даже не знаю, какое у бабу имя.

С кем мы его выбирали и выбрали ли?

Я ведь даже не знаю, какой мой ребёнок.

Особенный или нет.

Почему он так долго спит, не открывает глазки?

Почему он такой заморщинистый?

Почему он больше похож на куколку, чем на ребёнка.
 Станет ли он когда-то бабочкой? И когда?
 Или будет вот так вот лежать в пустой комнате моего первого дома.
 Смотрю на свою грудь.
 Капель нет.
 Молока нет.
 Пропало молоко, утекло, как и не было.
 Грудь такая же, как и была, в мурашках испуга.
 Смотрю на стол.
 А стола нет.
 И куколки на нем — тоже нет.
 Есть только я и пустая комната моего первого дома,
 из которой уже вынесли мои первые вещи.
 Но если в ней есть я, то она не пустая.
 На белой стене ультрамариновая полосочка.
 Бах, и полосочка становится бабочкой.
 Крыльшкуют и опять становится полосочкой.

Я не заметил, когда сон закончился и перешёл в другой сон, который я не запомнил, который был проходным.

Так же как я не заметил момента, когда у меня пропало молоко.
 Так же как я не заметил, как стал родителем, сам, без чьей-то помощи.
 Та куколка на столе — книга.
 Во сне она не спала, она изменяла форму.
 Работала с закрытыми глазами, морщилась, чтобы превратиться в красивую бабочку.
 Во сне книга — уже написана.
 Реальность запаздывает.
 Во снах все круче, конечно.

Глава 11. ОПРОСНИК ЗУРАБА

Мы вдруг поменялись ролями. Теперь не я задаю вопросы, а Зураб. Этот опросник он выслал мне на следующий день после того, как вышел из группы в ватсапе, где я собрал всех записавшихся в театральную студию. На мой вопрос почему, Зураб ответил: «Пока не получается. Что-то не готов психологически эту роль исполнить (дядя Витя). И в поисках работы. Чтобы было чем наши занятия оплатить».

Я услышал Зураба и, конечно, понял его. Может быть, об этом и не стоит писать, но я бы не стал брать с Зураба деньги за занятия. Не потому, что я такой добрый, нет. Потому, что не знал бы, как эти занятия отразятся на его-моей жизни, нашем эмоциональном фоне. Мы на связи, и это радует. Я отвечаю на вопросы, стараюсь быть честным в ответах и, конечно, вижу эту главу в книге. Я надеюсь, что это мини-интервью поможет Зурабу в его журналисткой карьере, а мне оно дало возможность ещё раз заглянуть в свой чемодан (о нем чуть ниже).

1. Как ты обычно представляешься и презентуешь себя в новой компании?

О, с новыми компаниями сложно. Я очень люблю наполненное одиночество, думание, перебаривание, общение с очень близкими людьми узкого круга, где каждый наполнен чем-то своим, в том числе и одиночеством. Поэтому новые компании обычно связаны с профессиональной деятельностью, где сразу понятно, что я — актер, режиссёр, писатель, музыкант... много всего, не перечислишь, оттого и страшно, от ответственности за эти бесконечные перечисления направлений деятельности, но и кайфово, что все это есть, в тесном соседстве, внутри меня. Я сразу узнаю своих, по первому взгляду, горению глаз, по мерцающему поиску внутри зрачка. «Ты?» — «Да, это я». — «Мы, по-моему, близки с тобой по духу, ты не находишь?» — «Не знаю, но почему бы и нет, давай поговорим, проверим». Интуиция, чутьё, чувство. Я за диалог, за трио, за ансамбль единомышленников, как в театре, так и в жизни. Здесь не нужно заниматься самопрезентацией, нужно совершать поступки. Я не ответил на твой вопрос, кружил где-то около.

2. Почему ты — это ты? Кого благодарить/ругать — гены, судьбу, школу жизни?

Только благодарность. За весь пройденный опыт. Всем тем, кто был рядом, есть и будет. Самая мудрая благодарность за то, что когда-то, почему-то сорвалось, не срос-

лось, не сложилось. Значит, так должно было быть. Я долго кусал локти, задавал вопросы: почему? Я хотел — раньше и быстрее. И мне казалось, что я мог все получить в тот самый момент, а не позже. Но в результате выходило по-другому или вообще не выходило. Это все интересно. Потому что неизвестно.

3. Что в этой жизни ты делаешь иначе, чем другие люди?

Все делаю иначе. Как и каждый человек. Мы все разные. В последнее время я держусь за эту разность, цепляюсь к человеку в хорошем смысле, прикипаю именно к инаковости. В этом столько свободы, драйва, неотесанности, выбора. Это как в театре (всюду он): нельзя играть один и тот же эпизод в спектакле одинаково, из раза в раз, ходить проторённой, удобной дорожкой. Надо пробовать пойти по-другому. Пусть ты зайдёшь в тупик, вернёшься по своим ложным следам обратно, на прежнюю колею. И поймёшь, что следы были не ложные, просто не пришло время для того пути. Тупик ещё не пал, не растворился.

4. Хочешь ли ты контролировать то, что происходит в твоей жизни и контролируешь ли?

Есть разные времена. И это правильно. Надо миксовать время контроля, не тотального (он просто невозможен), а дозированного. Такой контроль необходим в сложные моменты перехода, когда решаешь круто изменить судьбу. Но также я люблю моменты, когда ты долго раскручиваешь волчок событий, он начинает крутиться, жужжать, ты не успеваешь за его кручением-верчением и не знаешь, в какой момент он, как и ты, упадёт набок. От усталости, от головокружения, вызванных сменой картинок вокруг. Это адреналин, стихия, отпускание поводьев жизни. Все это хорошо, но в меру.

5. Часто ли ты покидаешь свою зону комфорта?

Очень часто. Как только понимаю, что покрываюсь комфортной пылью, обрастаю мягким, тёплым мхом, все меняю, ищу препятствия на свою голову, проверяю, насколько крепка моя броня, сражаюсь с ветряными мельницами, потом утихомириваюсь и выдыхаю в зоне комфорта. Потом покрываюсь новой комфортной пылью, обрастаю новым мхом, и все заново. Наверное, так и проскачу из одной зоны комфорта в другую, и так до последнего звонка.

6. Смог бы ты нарушить закон ради спасения любимого человека? И что для тебя — закон?

Я всегда хочу верить в закон справедливости. В последнее время он сильно сдал, ушёл в тень и, кажется, совсем исчез. Здесь надо проверять опытным путём. Каждый любимый любимому рознь. Каждое спасение само по себе неповторимо и уникально. Бывает один взгляд — уже спасение, а бывает — прикладываешь титанические усилия, и все бес толку. Быть рядом с человеком, создать среду, чтобы человек спас себя сам. Хочется этому научиться.

7. Что делает тебя счастливым человеком?

Занятие любимым делом, поиск нового, связь этого нарытого нового со старой традицией внутри себя. Когда вижу изменения, путь, который пройден, когда благодарен жизни за эти метаморфозы, тогда счастлив.

8. За что ты больше всего благодарен в этой жизни?

Благодарен родителям за любовь. Благодарен учителям за любовь. Благодарен Богу за любовь и тот чемодан, который он дал мне когда-то в руки, в котором я все пытаюсь навести порядок, систематизировать его «внутри». На жизненных поворотах меня, как и всех, подбрасывает, и «внутри» теряет упорядоченность, перемешивается. И все опять по новой.

9. Что ты очень хочешь сделать, но еще не сделал?

Хочу свой дом, семью, свой театр.

10. Можно ли добиться правды, не сражаясь?

Надо сражаться. Я боюсь, что с годами я откажусь от этого, брошу меч, смирюсь, опущу плечи. Страшно представить, что апатия вцепится, и я утрачу интерес к любимому делу, а значит, и к жизни.

Не давать мечу затупиться. Мой меч — это слово, поступки, любовь в ответ на неблагодарность. Я всему этому трудно учусь, ещё плохо держу меч в руках, слабое запястье, кисть пока гуляет, и меч перевешивается то в ту, то в другую сторону. Но я креп-

люсь и крепну. Мне так кажется.

11. Борьба против войны и борьба за мир — разные вещи? Насколько ты пацифист?

Мой дед говорил: «Лишь бы не было войны». Я много прочёл книг о войне. Эта тема привлекает меня и страшит. Я вижу себя в этих предлагаемых обстоятельствах. Но выдержу ли я их? Вопрос.

12. Может ли красота спасти мир и нужно ли его спасать?

Красота души. Это незаданная опция, над ней надо корпеть, трудиться, ее нужно взрастить в себе, выслужить. Ее главное преимущество перед другой красотой в том, что она не стареет, а постоянно обновляется. В хорошей среде. И пределу этому обновлению нет.

13. Что ты отказываешься принимать в этой реальности?

Алкоголь, наркотики, никотин. Все остальное — приму. Но сделаю выбор — отдать или оставить себе. Главное — не проходить мимо. Это страшнее.

14. Что ты любишь?

Пончики «Krispy Kreme» с шоколадно-ореховой начинкой и синабоны с банановой, конечно, как без них.

15. Твои пожелания человечеству?

Искать свободу и доброту внутри себя. Давать им волю, выпускать на простор.

Глава 12. ДВЕ КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Я не раз попадал в ситуацию, когда меня останавливали на улице, спрашивали адрес, который на слух казался мне знакомым, я смотрел по сторонам, показывал направление и спешил по своим делам, у меня даже не было времени открыть «Карты» на телефоне. Теперь я в роли спрашивающего, останавливающего, а люди вокруг бегут, как и я когда-то, бегут и будто знают куда.

Как напутствие себе перед дорогой — иди, не останавливаясь, опирайся руками, душой, сердцем за встречи, за людей, которые за ними стоят. Ты обязательно куда-нибудь придёшь, уйдёшь от старого себя. Дорога измучит тебя и изменит, только продолжай, дли этот путь, растягивай его вдоль и поперёк.

Две короткие встречи, о которых пойдет речь ниже, случились на бегу, уложились в рекордно короткий хронометраж, поэтому я решил вынести их на поля книги.

Обычно на полях выписывается главное, отправная точка, пара слов, задающих вектор всему другому, основному, центральному. Мое дыхание сбилось, дышу толчками, это чувствуется в тексте. Важные решения приняты, глобальные изменения произошли, и их больше не хочется разнимать на составные части, пазлы сложились, деконструкция окончена, настало время сборки. Со стороны другого человека эти изменения могут показаться незначительными, и если к ним приставить лупу, в них можно рассмотреть объём. На деле (с моей стороны) все иначе, я обрёл то, что искал, не дойдя до конечной точки. До той точки, имени и геолокации которой не знаю. И буду ли знать?

1

Я увидел Ксюшино фото в Инстаграме фонда «Антон тут рядом» (Санкт-Петербург). Это благотворительный фонд системной поддержки людей с аутизмом. Его основатель — кинокритик, главный редактор журнала «Сеанс» Любовь Аркус. Фильм «Антон тут рядом», давший название фонду, — та база, с которой должен ознакомиться каждый интересующийся темой особых людей человек. Без пересказа и спойлеров. Этот фильм надо смотреть, принимать или не принимать, его нужно впустить в себя. Нефильтрованная, гиперреалистическая (а иначе никак) жизнь, сложные обстоятельства, из которых находится выход, даже тогда, когда его не должно быть, даже когда его нет и не будет.

Под фотографией Ксюши был такой текст:

«Это наш волонтер Ксюша. С сентября она помогает на тренировочной квартире, а в Новый год помогла нам с фандрайзингом. Что такое фандрайзинг? Из определения — это привлечение сторонних средств для социально значимых задач».

Я очень люблю незнакомые слова, поэтому фандрайзинг сразу меня зацепил. И вообще, сама жизнь волонтера благотворительного фонда (сам я никогда не был волонте-

ром) давно интересует меня. Чтобы понять внутреннее устройство этой работы, конечно, нужно самому начать волонтерствовать, но чужой опыт тоже важен. Он может уберечь от распространённых ошибок. Захотелось разобраться, познакомиться с этой деятельностью, я написал Ксюше, рассказал о замысле книги, и мы договорились о встрече по видеосвязи. Ей слово:

«Я по образованию врач. Родилась в Калининграде, училась в Смоленске в медицинском университете на «Лечебном деле», занималась клинической фармакологией. С детства увлекалась биологией, хотела стать психологом. Мне были интересны люди с особенностями развития.

Я всегда занималась благотворительностью в разных форматах. Во время карантина, в самом его начале, предложила коллегам создать портал, где были бы собраны все статьи, посвящённые ковиду в систематизированном порядке.

Как-то приехала в Питер для прохождения интенсива по курсу медицинской статистики, увидела в Инстаграме фонда «Антон тут рядом» пост о том, что ищут ресёчера. Фонд сам не понимал до конца, чем должен заниматься этот человек. Но было понятно, что нужно проводить мониторинг, исследовать районы, в которых проживают люди с расстройством аутистического спектра, отвечать на вопросы: оборудованы ли торговые центры под нужды этих людей, в какое время было диагностировано расстройство, были ли бюрократические проволочки. Я поздно увидела пост о вакансии, поздно отправила резюме, мне не ответили.

Прошло какое-то время, и я заполнила волонтерскую анкету. Мне ответили, пригласили в офис фонда на Невском. Меня встретила координатор, начала задавать вопросы, один за другим. Она сразу спросила меня: кто я?

Я ответила ей, что я есть то, что я делаю.

«Что вы за человек? Расскажите о себе».

Я не знала, что ответить. Сказала только, что со мной очень легко общаться, что у меня нет каких-то границ в общении, нет дистанции от человека. Оказалось, что это огромный минус. Работая волонтером, нужно уметь выстраивать четкие границы, постоянно отстаивать их, иметь характер, не бояться быть принципиальным и даже суровым.

На выходе из центра мне встретился парень, студент фонда. Он прикоснулся к моему лбу. Я подумала, это хороший знак.

Я начала работать в программе сопровождающего проживания фонда, жить поочередно в большой квартире, где находятся взрослые люди с аутистическим синдромом. В этих квартирах ребята учатся сами обслуживать себя, готовить ужин, ухаживать за собой. Рядом с волонтером в квартире всегда присутствует тьютор — человек, занимающийся образовательной деятельностью, получающий, в отличие от волонтера, за свою работу деньги.

Сопровождающее проживание приучило меня к системному графику. Людям с аутистическим синдромом важно, чтобы все было расписано по часам, при том что сам план может пойти наперекосяк, причиной чему — меняющийся эмоциональный фон ребят: сейчас — так, через час — все по-другому.

Я очень быстро, активно погрузилась в процесс и за несколько месяцев работы на квартире устала, выгорела. Когда я только попала в квартиру, я чувствовала себя как в гостях, мы знакомились, притирались друг к другу, потом из-за тесного общения «24/7» становились почти родственниками, обростали бытовыми отношениями. Мы начали надоедать друг другу. Ведь не со всеми ребятами ты можешь наладить контакт и просто сказать: «Пожалуйста, не делай так больше». Я дотянула до окончания смены и постаралась легко и безболезненно уйти из квартиры.

Перешла в разряд интеллектуального волонтерства. Потом случилось страшное, трагическое событие для фонда. Ушёл из жизни один из первых его студентов Влад. Когда-то он сам пришёл в фонд и попросил помощи. Влад был музыкантом, играл на флейте, был актером, выходил на сцену в спектакле «Лавр» по роману Е. Водолазкина в постановке Бориса Павловича («Театр на Литейном»). У Влада была лимфома. Он до последнего боролся с болезнью, боролся силой искусства, учился играть на фортепиано, ездил с театром на гастроли. Я приезжала к нему в хоспис. Мы много говорили о современной драматургии, о которой я не знала ничего. Влад рассказывал о новых текстах, авторах. Я хотела подарить ему книжку, написанную группой авторов, под названием «Дом» (проект благотворительной организации «Ночлежка»), но не успела. Влад ушёл. Я все хочу взять и дочитать «Дом», но книга «не идёт». В день смерти Влада я была не в Питере, а в родном Калининграде. По манию судьбы, я была на похоронах близкого родственника, не в себе, в тумане. В этот же день мне позвонил один из студентов фонда, живший на квартире, он откуда-то взял мой номер. Он спросил меня: «Ксюша,

сможем ли мы прожить сто лет?» — «Сможем», — ответила я и успокоилась.

Этим летом фонд не отнимал много времени. А сейчас, осенью, я решила сократить свою деятельность. Хочу начать преподавать основы компьютерной грамоты для подопечных фонда.

Я какое-то время назад работала переводчиком в компании. Мы могли потратить деньги на корпоратив, но я предложила разделить весомую сумму на части, чтобы каждый решил, в какое благотворительное дело он бы ее хотел направить. Кто-то послал деньги бабушке в деревню, кто-то — в приют для животных, а большинство перевели в фонд «Антон тут рядом». Это и называется фандрайзингом.

Сейчас я работаю аналитиком в айти-компании, занимаюсь разработкой приложений. Когда я только поступала на эту работу, меня пугали, что здесь никогда не будет рутины, каждый день вмещает в себя много меняющейся информации. Меня этим не испугаешь. Жизнь в тренировочной квартире дала мне закалку. Раз — и все становилось медленно, размеренно, как будто предсказуемо, потом — все ровным счётом наоборот.

Я всегда понимала, что все люди разные и у каждого свой темп обработки информации. С одной стороны, я стала воспринимать и принимать всех одинаково, вне зависимости от чего-либо.

Меня не покидает мысль сделать фонд для людей с психическими заболеваниями, которым необходима паллиативная помощь. Я провела мониторинг и поняла, что таких фондов сейчас нет. Это та группа людей, которые не могут сказать и показать, где болит. Для них боль — это что-то другое. Как оценивать степень проявления болезни в таком случае?

Я пока не знаю, с чего начать, но думаю об инициативе создания фонда все чаще».

2

Мы договорились с Таней встретиться у метро «Коньково». У нас был один час на разговор, в ходе которого я узнаю, что в Коньково находится одно из отделений Центра Лечебной Педагогике. Занятия там посещает Танин сын Тихон. Ему семь лет.

Всегда в самом начале моих бесед с новыми людьми я сообщаю о том, как возникла тема, почему я этим занимаюсь. И каждый раз, когда проговариваю все это, мои версии разнятся, они не похожи на те, первые, когда книга была ещё в стадии завязки, закладки фундамента. О многом сказано прежде, не хочется повторений. Несмотря на уникальность каждого отдельно взятого опыта, везде есть схожая структура, но с наполнением — абсолютно разным: уникальным.

Мы работаем с Таней в одном театре. Она — талантливый, тонкий музыкант, скрипачка. У нас один совместный спектакль. Мы пересекаемся только на прогоне спектакля и на самом показе. А дальше жизнь, круговерть, бег, до нового прогона и показа. Скоро спектакль уйдёт из моей жизни, на мою смену придёт новый исполнитель. А я пойду искать свой новый путь. Можно отработать всю жизнь в театре и не узнать о том, что происходит в жизни у человека, сидящего за соседним с тобой гримёрным столиком. Конечно, личные границы нужны. Все то, что можно доверить только узкому кругу, свято и неприкосновенно. Но в театре зачастую иначе. Все тайное притягивает, обрастает сплетнями, домыслами, лишними контурами. Я отступаю от темы, во время нашего с Таней разговора я об этом и не подумаю, а буду размышлять по окончании нашей встречи. Таня, как и я, занявшийся темой особых людей, нашла в своей новой жизни, которая началась с рождения Тихона, искренность и отсутствие фальши. Ей слово:

«Мой папа в детстве читал мне Брэдбери, Стругацких. Это те книги, которые меня сформировали. У Брэдбери есть рассказ «И все-таки наш». У пары рождается ребёнок в виде голубой пирамидки. Родители сделали все возможное, чтобы принять и воспитать ребёнка-пирамидку. Благодаря врачу родители отправились в другое измерение, где смогли воспринимать ребёнка как нормального, а в нашем измерении — они изменили форму и стали квадратами. Так вот, мне кажется, я стала таким квадратом.

Я очень много читаю на тему аутизма, подписана на паблики в фейсбуке, которые говорят о нейроразнообразии, о том, что аутизм — это нормально, это не болезнь. Наше общество не готово к нейроразнообразию. Мы можем хамить друг другу в очереди, но не потерпеть незапланированного крика ребёнка с аутистическим расстройством. Мы придумываем правила, чтобы всем было удобно. Иначе все будут цепляться друг за друга острыми краями. Края легче сточить, и проблем не будет. Так мы думаем и живем.

Мне повезло. Мои старшие дети и младшая дочь, которой скоро будет пять, — мои поддержка и опора. И, конечно, муж Слава (музыкант, аранжировщик, контрабасист).

У них с Тихоном — единение и безоговорочная любовь. Тихон с детства в музыке, поёт мелодии из Шостаковича, Шнитке, из «Смешариков», любит «Болеро» Равеля. Да, он чувствителен к звукам. Временами позволяет мне заниматься на скрипке дома.

В этом году мне удалось вырваться в лагерь при Центре. Слава был с Тихоном все дни смены, двенадцать дней. Лагерь находится на Валдае. Сотрудники Центра переоборудовали заброшенный детский лагерь, отреставрировали его своими силами. Там даже самые уставшие родители находят покой и надежду. Сколько там любви и принятия. Там другой воздух. Густой воздух принятия. Я бы так его назвала.

Приведу один пример из лагерной жизни, он не совсем обычный, даже травмирующий для ребёнка. Одна девочка обидела Тихона. Тихон быстро забыл об этом недоразумении, но родители девочки решили настоять на том, чтобы девочка принесла Тихону свои извинения. Дошло до слез, девочка была на пределе от вынужденного извинения. Важно сказать, что в лагере нельзя как-то радикально решать проблемы, уходя от беседы. Все недомолвки решаются с помощью педагогов-психологов, подкованных знаниями. Они умеют разругать любую спорную ситуацию. Я спросила педагога: «Что мне делать?» Просто стоять и смотреть, как девочка плачет, я не могла. Педагог мне ответила: «Мама девочки не в ресурсе, сейчас с ней говорить бесполезно. Успокаивайте девочку».

О чем я мечтаю?..

Мечтаю поболтать с Тихоном по душам. Я, Слава, наши дети, мы своим примером пытаемся доказать, что наш мир не хуже мира, в котором живет Тихон.

P.S. Когда мне было пять лет, я пыталась представить, что будет, если ничего не будет, даже темноты. Когда все вокруг свёртывается, не остаётся ни времени, ни пространства. У меня получалось».

На полях книги не запишешь всего.

На полях книги зафиксируешь главное.

На полях книги главное станет камнем придорожным, на который ты можешь присесть, оглянуться назад, туда, откуда пришёл, туда, куда никогда не вернёшься.

На полях книги пишут карандашом.

Почерком, понятным в момент письма.

Потом ты ничего не поймёшь.

Потом ты ничего не прочтёшь.

Ты напишешь эту книгу и, дай Бог,

перечитаешь ее через -цать лет, когда тебя самого уже не будет.

Ты заглянешь в мир-без-тебя через книгу.

От страницы к странице ты будешь идти по ее длинным коридорам, в конце которых не будет света, потому что ты сам будешь светом и тьмой, концом и началом.

Узнаёшь ли ты написанное тобой.

Поймёшь ли себя тогдашнего.

Не споткнёшься ли о камни на полях.

К тому времени из больших, путевых камней они превратятся в маленькие, спря-
танные, торчащие острыми боками, незаметные глазу.

Придёт время собирать маленькие камни.

На полях книги.

В мире-без-тебя.

Большие камни станут маленькими.

Вот увидишь.

Да, такое бывает. Ты берёшь дыхание для новой главы, которая, по твоему мнению, должна все завершить, подобрать края. Но понимаешь, что это глава уже чего-то нового, совсем другого, ещё не до конца оформившегося.

«Исподтишка меняются портреты», — писала Анна Ахматова.

Вот и книжка тоже исподтишка оперилась и улетела от меня.

Спасибо всем моим героям.

Мир-любовь.